

Алена Даль

**Живые души. Роман-
фантазмагория**

«Издательские решения»

Даль А.

Живые души. Роман-фантазмагория / А. Даль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836614-7

Роман «Живые души» — протест против навязываемой обществом потребительской идеологии. Книга помещает читателя в узкий зазор между реальностью и иллюзией — старым зеркалом и черным озером, между большим городом и вымершей деревней, выгодой и нравственностью. Привычный мир здесь органично сосуществует с миром магическим. Эйфория и страх, муки выбора, любовь и путешествие за грань бытия — все это помогает героям возродиться иными людьми, дает шанс изменить мир или, по меньшей мере, свою судьбу.

ISBN 978-5-44-836614-7

© Даль А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1. Ночь над Верхнедонском	6
Глава 2. Не так страшен чёрт...	11
Глава 3. Эволюция как она есть	16
Глава 4. Адвокат никеля	20
Глава 5. Люди и куклы	25
Глава 6. Чернавский лес	29
Глава 7. Странности нашего городка	35
Глава 8. Предупреждение профессора Сидоренко	41
Глава 9. Расщепление сознания	45
Глава 10. Дело было в «Шиншилле»	51
Глава 11. Синдром Орешкина	56
Глава 12. Полёт	62
Глава 13. Возвращение	67
Глава 14. Сеанс массовой эволюции	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Живые души
Роман-фантазмагория
Алена Даль

«Белым воронам» посвящается...

© Алена Даль, 2017

ISBN 978-5-4483-6614-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все упоминаемые в тексте имена, названия компаний, организаций, событий и географических объектов вымышлены. Совпадения случайны. Исторические эпизоды не документальны. Диагнозы условны. Оценки субъективны. Сочинение отражает исключительно мнение автора, который не исключает права читателя остаться при своем.

Часть 1

Глава 1. Ночь над Верхнедонском

Антон Рубин привык путешествовать налегке. Он никогда не брал с собой много вещей, а только золотую карту и мягкий рыжий портфель, в котором умещалось ровно то, что требовалось молодому мужчине на пару дней, чтобы обустроиться на новом месте. Этот портфель он купил себе «на вырост» с первой зарплаты, как только пришёл работать в «Траст-Никель» десять лет назад. Антон ощущал себя тогда абсолютно свободным, и сегодня, обременённый ответственным постом, важным проектом, а с недавних пор ещё и статусом женатого мужчины, тосковал порою по тем временам.

Теперь рыжий портфель лежал на антресолях в просторной гардеробной его съёмного пентхауса на двадцать восьмом этаже дома №12 по улице Свободы города Верхнедонска.

Заглушив машину, Антон посмотрел на часы – почти полночь – и вышел в голубоватый сумрак подземной парковки, мягко клацнув дверью. Пока взмывал в лифте на крышу, мысленно перебрал перечень выполненных дел и нерешённых пока задач. Перевес был в пользу первых. Всё под контролем. Ну, или почти всё, если не считать досадной заминки с защитниками природы. Нет, он вовсе не против природы, но в данном случае защищался как раз Антон. Отбивался от нелепых нападков местных эоактивистов, вздумавших чинить препятствия его проекту. Кстати, надо будет глянуть ночные новости, служба безопасности доложила, что сегодняшней пикет под окнами офиса снимало местное телевидение.

Лифт замер и бесшумно раздвинул двери, выпустив пассажира на ярко освещённую площадку, устланную гладким, в чёрно-белую шашечку камнем. Сюда выходила одна единственная дверь без номера – его.

Антон вошёл в квартиру и бросил звонкую связку ключей на стеклянную полку. Вспыхнул свет и разлился сигнальными огнями, услужливо предугадывая маршрут хозяина. Дом был прибран и пуст. В стерильной кухне с матовым кубом в углу он распустил галстук и плеснул в пузатый бокал немного коньяка. Вышел на террасу.

Внизу у его ног расстился мерцающий огнями Верхнедонск – город, в котором Рубину предстояло прожить ближайшие два-три года. Свежий ночной ветерок ласково потрепал Антона по затылку, пощекотал шею. Чрево мегаполиса пульсировало, пронизанное кровеносными сосудами магистралей. По ним, обгоняя друг друга, сновали молекулы автомобилей. Переливались разноцветные вывески, тускло светили сигнальные огни небоскрёбов. Верхнедонск гудел ровным монотонным гулом, состоящим из дрожанья проводов, шороха шин, нервных сигналов клаксонов и какофонии прочих технологических шумов. К этим звукам примешивались радиоволны десятка частот, далёкий рёв самолёта и отчётливые, умноженные эхом людские голоса. Однако по-настоящему шум большого города можно было услышать, лишь возвратившись сюда из глухонемой тишины какой-нибудь захолустной деревушки – всё познается в сравнении.

Антон вернулся в гостиную и включил плазменную панель. На экране, драматически заламывая руки, пританцовывал крашеный блондин в облегающих малиновых брюках. Звук был отключён. Лишь когда за спиной блондина появилась хмурая толпа людей с плакатами, Антон догадался, о чём речь, и прибавил громкость.

– Приезжие дельцы посягнули на самое святое – на наш Чернавский заповедник! – захлёбывался репортёр. – Здесь, на этой площади, собрались те, кому небезразлична судьба реликтового леса, редких, занесённых в Красную книгу животных, судьба всей живой природы и экологическое здоровье Верхнедонска.

Слово дали пикетчикам. Те сбивчиво, но убеждённо требовали прекратить никелевые разработки. Неуклюжий старик в толстых запотевших очках сыпал цифрами и фактами, зажимая под мышкой ободранный портфель. Усатые казаки, наряженные в шаровары и каракулевые кубанки, ощупывали рукояти притороченных к поясам нагаек. Галдели женщины. Белобровый парень выкрикивал в микрофон непечатные слова и призывал всех на баррикады. Был объявлен сбор подписей под петицией. Словом, общественный протест налицо. Народный бунт – бессмысленный и беспощадный!

– Сможет ли народ остановить безумие? Что победит: жажда наживы или голос разума? Это зависит от каждого из нас, – подытожили малиновые брюки. – С вами был Никита Мано, телеканал «ЖЖЖ».

Антон выключил телевизор и лёг спать.

Андрей Перцев заснул только под утро. Вместе с другом фотографом Витей Тапочкиным после работы они пошли смотреть футбол, прихватив по дороге упаковку пива и вяленого леща. Лещ был не простым: он достался журналисту в награду за труды – серию разоблачительных статей в адрес рыбной базы «Русалочка». Но не только леща получил журналист Перцев из рук довольного заказчика, но и плотный конверт, приятно оттягивающий внутренний карман куртки. Вот с этим конвертом и произошла непонятная история.

Сперва конверт пропал. Перцев хватился его, когда полез в куртку за сигаретами. К тому времени они с Тапочкиным ополовинили пивной запас. Испанцы проигрывали немцам со счётом 2:5.

– Вить, кончай шутить! – накинулся на друга Андрей.

– Ты о чём? – удивился тот, округлив подслеповатые кротовьи глазки.

Перцев сгрёб Тапочкина за грудки и жарко задышал ему в лицо.

– Говори, куда спрятал, сволочь!?

– Да что ты несёшь? Что я спрятал? – непонимающе заморгал Виктор.

– Конверт!

– Какой конверт?

– Белый! С деньгами! – взревел Перцев и тряхнул Тапочкина так, что тот, икнув, тихо опустил на пол.

– Знаешь, Андрюш, – плаксиво промямлил фотограф, потирая ключицу, – а ведь я считал тебя другом. Не брал я никакого конверта! Можешь обыскать квартиру.

Перцев насупил брови и мрачно окинул взглядом холостяцкую берлогу Тапочкина. Помимо единственной комнаты, где они смотрели по телевизору футбольный матч, была ещё кухня, куда ходили по очереди к холодильнику за пивом и совмещённый санузел, в котором это пиво по очереди отливали. Ещё крохотная прихожая с тусклой лампочкой без абажура – в ней и висела куртка.

Андрей снова тщательно прощупал все карманы. Сначала на брюках, потом на Витьке, затем на всей висящей в прихожей одежде и снова на своей куртке – в правом нижнем кармане лежал тяжёлый бумажный брикет. В левом – точно такой же. Что за чертовщина! Оторопевший журналист держал в руках два белых, абсолютно одинаковых конверта.

– Ну вот, – заключил Тапочкин, – так и теряют друзей, – и обиженно ушёл на кухню.

Андрей тупо уставился на конверты-близнецы, приоткрыл первый – там лежали купюры, заглянул во второй – тоже купюры. Неожиданно гонорар журналиста удвоился.

В это время в дверь позвонили. Перцев вздрогнул и спешно засунул оба конверта обратно в карман. Пришёл из кухни Виктор, лязгнув замком. На лестничной клетке стоял смуглый атлет в чёрном шёлковом халате, как две капли воды похожий на испанского форварда Фернандо Торреса, и глумливо улыбался.

– Мужики, не найдётся лишнего конвертика? чистого? – спросил он, переводя взгляд с Тапочкина на Перцева.

– Мы вообще-то пользуемся электронной почтой, – пробубнил под нос Виктор, сиюсь узнать в стоящем перед ними брюнете кого-то из соседей.

– Молодцы! – похвалил пришелец. – Но я вовсе не собирался писать писем, – он перешёл на доверительный шёпот: – Хочу отблагодарить одного хорошего человека. Ну, сами понимаете, не вручать же благодарность без упаковки!

Тапочкин с укоризной посмотрел на Перцева. Перцев потупил глаза и на всякий случай придвинулся поближе к куртке.

– Ну ладно, на нет и суда нет, – отступил сосед, видя замешательство друзей, – не буду вас больше задерживать, досматривайте футбол – там как раз начинается самое интересное, – и зашлёпал вниз по лестнице.

– Кто это? – спросил Перцев.

Тапочкин молча пожал плечами, всем видом демонстрируя незажившую ещё рану от нанесённой Андреем обиды.

До самого рассвета пристыженный Перцев старался изо всех сил загладить вину перед другом. Вот уже закончился матч неожиданной победой испанцев: за последние двадцать минут второго тайма они вкатили немцам четыре гола. Форвард Торрес после каждого забитого мяча подмигивал им с экрана. Вот уже закончилось всё пиво, и на столе сама собой появилась запотевшая бутылка водки и толстые ломти докторской колбасы на дощечке. Вот уже перебрали все особенные моменты их дружбы, когда один выручал другого. Закончили в пятом часу крепкими объятиями и жаркими уверениями в нерушимости их мужского союза. Хотели уже ножом резать пальцы, чтобы кровью скрепить сказанное, но вовремя опомнились, рассудив, что сойдет и так. Тапочкин порывался оставить друга ночевать у себя, но тот категорически отказывался, сославшись на двусмысленность подобного предложения в тесных жилищных условиях. К тому же с утра предстоял серьёзный разговор с шефом, а добираться в редакцию на общественном транспорте Перцеву не улыбалось.

Всю дорогу домой он прижимал рукой застёгнутый на пуговицу правый карман. Даже в такси рассчитывался левой рукой. Придя домой, пуговицу расстегнул и извлёк из тайника... белый конверт в единственном числе. Зажмурился до искр в глазах и на всякий случай обыскал всю куртку. Дубликат исчез вместе с содержимым. Зато к уцелевшему прилагался мягкий клочок бумаги. Записка. В ней было написано: «Нашёл – не радуйся, потерял – не плачь», и ниже: «Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей», только к рублям было пририсовано красной пастой два лишних нуля, а у друзей два нуля были зачеркнуты и в скобках для верности помечено (один). Получалось: «Не имей 10000 рублей (именно такая сумма лежала в перцевском конверте), а имей 1 (один) друзей». В углу подпись: «Лавр». Лавр? «Ну, Тапочкин, ну, шутник!» – подумал Перцев и, добравшись до дома, счастливо забылся под мохнатым пледом.

Нина Боброва считала себя «совой» и небезосновательно: раньше трёх ночи спать не ложилась. Она была убеждена, что жизнь в городе начинается после семи вечера, а до этого все только готовятся к её полнокровному проживанию, выбирая места, назначая встречи, вороша вешалки гардероба и, конечно, зарабатывая деньги. Ей повезло: её работа была продолжением её жизни и наоборот. Толстый глянецовый журнал «Штучка» знали все! – и в этом её, Нины, прямая заслуга. Десять лет Боброва строила свою империю красивой жизни. А теперь пускай скрипят зубами завистники, догоняют конкуренты, злословят неудачники – «Штучка» навсегда слилась с образом успешного Верхнедонска, а сама Нина стала воплощением совершенного стиля – именно такого, каким она и жила.

Сегодняшняя ночь не была исключением. Поужинав в «Шиншилле» салатом из рукколы и авокадо, Нина заехала за приятелем Никитой Мано в студию «ЖЖЖ», где тот допоздна монтировал сюжет. Оттуда направились в «Пегас». Дурацкое, конечно, название для ночного клуба, да и интерьер оставлял желать лучшего, но хозяин «Пегаса», коренной москвич по фамилии Акопян, щедро тратился на рекламу в «Штучке», и Нина решила побаловать его своим вниманием. Всем в Верхнедонске было известно: там, где бывает Нина Боброва – must be всякий успешный человек, а то, что она покупает – must have каждая городская модница.

Заказали по коктейлю с вычурным нагромождением ягод и сливок. Нина сдвинула затейливую верхушку и втянула длинный густой глоток.

– Не могу понять, с каких пор тебя интересует социалка? Дался тебе этот никель? Неужели других тем нет?

– Обещали ежедневный эфир, – складывая губы в трубочку, пояснил Никита.

– И что дальше?

– Как что? Сама знаешь – больше людей будут знать в лицо!

– Ну, допустим, твоё лицо никак не лепится к проблемам экологии! – ухмыльнулась Боброва, щёлкнув инкрустированным ногтём по бокалу. – Или собираешься менять имидж?

Никита передёрнул плечами и обиженно выпятил губу.

– Ладно, не дуйся, – Нина миролюбиво тронула приятеля за плечо. – Лучше скажи, ты уже познакомился с Рубиным?

Телерепортёр оживился.

– Ну, не то чтобы познакомился, но видел сегодня. Мельком.

– И как?

– Высокий, красивый, уверенный в себе, умный... – глаза Никиты заволкло туманом.

– Откуда ты знаешь, что умный? – ведь не разговаривал, – подковырнула Боброва.

– Разве другой мог бы занять такое кресло в тридцать пять лет?

– Значит, ему тридцать пять. Так я и думала. Мой любимый возраст, – промурлыкала Нина. – А какой масти этот Рубин?

– Голубоглазый брюнет, – ответил Никита мечтательно.

– Моя любимая масть...

– Ну, ты особо не обольщайся, он женат, – строго заметил Мано.

– Ты тоже не обольщайся, – парировала Нина. Оба расхохотались.

Потом поговорили о разводе Тумановых, обсудили новую любовницу Трепакова, перемыли косточки Кривоносковой, поздоровались с десятком общих знакомых, заказали ещё по коктейлю, потанцевали, похвалили нового стилиста «Сеновала», демонстративно не заметили Звягинцеву, посмеялись над анекдотом бармена, съели по клубничному десерту. Подошёл хозяин заведения Карен Давыдович, выставил бутылку шампанского в серебряном ведёрке со льдом. Выпили втроём за плодотворное сотрудничество. Ближе к полуночи отправились в директорский кабинет смотреть никелевый сюжет в ночных новостях. Акопян оставил гостей одних, пообещав Бобровой: «Разворот – за мной!».

Включили телевизор: «Приезжие дельцы посягнули на самое святое – на наш Чернавский заповедник! – заговорил с экрана Никита. – Здесь, на этой площади, собрались те, кому безразлична судьба реликтового леса...»

– Нет, ты это видела? – завопил вдруг Никита, тыча пальцами в экран, – это что за ракурс?! Ужас! Он что – специально так меня снимает?

– Ракурс как ракурс, – пожалала плечами Нина.

– Завтра я ему устрою, – распаялся Мано, – он у меня теперь получит заказ! Как же! Возьму в другой раз Остроухова. Или нет, лучше Маликова.

Оператор перевёл камеру на лица пикетчиков, и Никита немного успокоился. Но стоило тому взять репортёра крупным планом, как тот снова запричитал, заламывая руки.

– О, боже! Нет, это невыносимо. Ну почему? За что?

Причиной новой истерики стал не загримированный прыщ на подбородке, который, по мнению Никиты, решительно всё портил. Боброва с сочувствием поглядела на приятеля и холодно посоветовала:

– В следующий раз надень обычные джинсы. И не кривляйся так перед камерой.

«Сможет ли народ остановить безумие? Что победит: жажда наживы или голос разума? Это зависит от каждого из нас». Мано сидел перед экраном раздавленный и удручённый.

Над Верхнедонском расстилалась безбрежная ночь.

Глава 2. Не так страшен чёрт...

«Ну, кажется, всё готово!» – пресс-секретарь Алина Дёгтева пробежалась взглядом по ровным рядам стульев, сверкающей батарее бутылок с водой, поправила угол скатерти. В уютном зале царил приятная прохлада и тишина. До начала пресс-конференции оставалось пятнадцать минут. За это время можно успеть... Но она не успела. Зазвонил телефон и её срочно вызвали в кабинет шефа.

За приставным столом сидел багровый руководитель геологоразведки Семёнов и теребил в руках папку с бумагами. Напротив него замерла с прямой, как струна, спиной главный бухгалтер Ковалёва. Её глаза выражали такую печаль, что её с лихвой хватило бы на трёх уволенных за год до пенсии бухгалтеров. Татьяна Дмитриевна вытащила из рукава батистовый платочек и приготовилась плакать. Рубин показал глазами на свободный стул, Алина присела.

– Возникли некоторые сложности, – пояснил директор, – но встречу с журналистами отменять не будем. Пётр Васильевич, – он кивнул на Семёнова, – участвовать в ней не сможет. Татьяна Дмитриевна, – кивок в сторону Ковалёвой, – сейчас успокоится и пойдёт работать в свой кабинет. Алина, я буду отвечать на вопросы один, поэтому уберите со стола лишнее. Это всё.

Трое вышли из кабинета директора и синхронно разошлись в разные стороны. Алина бегом побежала в конференц-зал – и вовремя! Только успела спрятать ненужные таблички, как в дверях показались первые журналисты. Через десять минут зал был набит битком. Среди прибывших Дёгтева заметила редакторшу «Штучки» Нину Боброву. Её никто не приглашал, но отказывать было себе дороже, и Алина вписала её имя в общий список. Пришли все званые и четверо незваных гостей, но это было только на руку устроителям.

Когда часы над дверью показали ровно десять, в комнату стремительно вошёл Рубин. Защёлкали вспышки фотокамер. Немного волнуясь, Алина взяла в руки микрофон и, представив по регламенту своего руководителя, передала слово ему. Несколько секунд глаза Антона сканировали собравшихся в зале людей. Он коротко улыбнулся и начал:

– Здравствуйте, дамы и господа! Миф о вреде никелевых разработок сильно преувеличен. Сегодня я отвечу на ваши вопросы и, надеюсь, смогу развеять сомнения относительно безопасности добычи чернавского никеля. Прежде всего хочу напомнить: данное месторождение является стратегическим объектом федерального значения, и решение о его освоении принималось на самом высоком государственном уровне. Но это не главное, – Антон на минуту умолк. – Недавно я вернулся из Канады, где побывал на выработанной шахте, – его голос смягчился. – Если бы я не знал о её существовании, то решил бы, что нахожусь на обыкновенном лугу с ромашками и такими же, как у нас, в России, берёзовыми перелесками. И я подумал: а разве мы не сможем так добывать? И ответил себе: сможем, если захотим. Наша компания ориентирована на такие технологии, которые позволят оставить после себя не мёртвую землю, а живую.

– Прошу вопросы! – звонко пропела воодушевлённая речью Рубина Алина.

Руку поднял долговязый корреспондент в растянутом свитере:

– Антон Михайлович, вот вы рассказываете о берёзках и ромашках на месте рудных шахт. Вы хотите сказать, что никелевые разработки безвредны для окружающей среды?

– Ну, зачем же так передёргивать. Все горно-металлургические предприятия в мире оказывают негативное воздействие на природу. С этим никто не спорит. И «Траст-Никель» не исключение. Но на экологию, так или иначе, влияют 90% существующих в мире технологий – что ж теперь, отказаться от технического развития вовсе? Вернуться к каменному топору? Вот вы, – Рубин вперил стальной взгляд в задавшего вопрос журналиста, – вы лично,

готовы отказаться от мобильного телефона? От модема, планшета, от современных носителей и медицинских имплантов? От автомобиля, в конце концов?

Долговязый был не готов.

– Что касается нашей компании, – продолжал Рубин, – в своей работе мы намерены применять только лучшие из доступных технологий, позволяющие снизить вредные воздействия на природу до минимума. И мы готовы инвестировать в безопасность проекта значительные средства. Именно это дает мне право говорить о ромашках и берёзках.

«Резковато!» – подумал про себя Антон, но ничего не поделаешь – он защищался, а защита предполагает и жёсткость, и резкость.

Прямо напротив него сидел известный своими разгромными статьями Першин из «Верхнедонского утра». Глядя в упор, он спросил:

– Ряд предприятий, которыми владеет компания «Траст-Никель», не выдержал проверку международной экологической комиссии. Где гарантии того, что чернавский рудник не войдет в их число?

– Действительно, два наших комбината на сегодняшний день не отвечают мировым стандартам экологической безопасности. Но хочу заметить, что принадлежат они компании лишь последние восемь лет, а построены были ещё до революции. Тем не менее, руководство делает последовательные шаги по реконструкции и модернизации оборудования на них. Хочу привести некоторые цифры, – Антон щёлкнул кнопкой и на экране за его спиной появились графики. – За последние десять лет суммарный объём выбросов всех предприятий «Траст-Никель» сократился втрое, притом, что объём производства цветных металлов увеличился на 70%, то есть удельные выбросы – а это главный показатель экологической ориентированности компаний – уменьшился в пять раз.

Першин удовлетворённо кивнул и записал цифру в блокнот.

– Но перестраивать всегда сложнее и дороже, чем строить заново, – добавил Антон. – На чернавском месторождении будет построено современное горнодобывающее предприятие, которое изначально будет лишено недостатков дореволюционных шахт.

– Река Чернавка – одна из чистейших рек России. Что будет с ней? – крикнула с места юная журналистка с косой.

– Хочу вас успокоить, – улыбнулся Рубин, – подземные источники, питающие вашу замечательную реку, залегают на глубине примерно 90—100 метров. А шахтные стволы уйдут под землю гораздо глубже. При их строительстве будут применены новейшие технологии заморозки грунта, тампонирование и бетонирование шахт. Так что обмеление реке не угрожает. Кроме того, при добыче и первичной переработке руды мы используем замкнутый водооборот, а хвостохранилище надёжно герметизируем – это значит, сброс сточных вод полностью исключён. Стало быть, и загрязнение Чернавке не грозит. Так что лет через десять приеду к вам в гости на рыбалку!

Молодая журналистка зарделась, польщённая персональным вниманием Рубина. А с заднего ряда раздался следующий вопрос:

– Антон Михайлович, объясните, почему зона будущих разработок оцеплена? Во всех цивилизованных странах за деятельностью рудодобывающих компаний осуществляется общественный контроль. И второй вопрос: где и как можно ознакомиться с результатами экологической экспертизы? Проводилась ли она вообще?

Взгляд Рубина зачерствел.

– Если уж мы заговорили о цивилизованности, давайте согласимся, что стихийные митинги с пашками наголо, угрозы в адрес геологов и хулиганские выходки – не самый цивилизованный метод вести диалог. Хочу также обратить ваше внимание, что на данном этапе – доразведки и поисково-оценочных работ – экспертизы не требуется. Деятельность геологов на природу никак не влияет. Экологической экспертизе подлежит проект комбината, который

мы планируем представить через полтора-два года по результатам доразведки. Никто от такой экспертизы не отказывается. Более того мы договорились с учёными Верхнедонского университета о том, что они примут непосредственное и самое активное участие в экспертизе проекта. Думаю, ваши земляки-учёные смогут стать гарантом безопасности для всех жителей Верхнедонска.

Слово взял корреспондент газеты «Карьера и работа»:

– Скажите, пожалуйста, помимо учёных-экологов, планирует ли «Траст-Никель» привлечение и других местных специалистов для работы на предприятии?

– Безусловно. Если проект будет принят, для его реализации мы готовы привлекать местное население. На предприятии будет создано порядка четырёх тысяч рабочих мест, включая обслуживающие комбинат подразделения. Конечно, узких специалистов с уникальным опытом мы привезем своих. Но основной кадровый состав будет формироваться здесь. Кроме того компания «Траст-Никель» планирует реализацию обширной социальной программы, включающей в себя жилищное строительство, культурно-образовательную программу и развитие инфраструктуры района.

В зале оживлённо зашептались.

– Как повлияет работа никелевого комбината на бюджет района и области?

– Думаю, более чем благотворно. Посудите сами. Ежегодный фонд оплаты труда работников предприятия составит не менее двух миллиардов рублей. И все они останутся в районе и области, будут потрачены на товары и услуги, в том числе местного производства. Бюджет области получит около полутора миллиарда рублей налогов ежегодно. Я уже не говорю о развитии малого бизнеса, который непременно оживится с появлением предприятия такого масштаба.

Лес рук не редел. Алина, взглянув на часы, вынуждена была объявить последний вопрос.

– Пожалуйста, ну пожалуйста, – Никита Мано мелко тряс рукой, словно попал под высоковольтное напряжение. Алина посмотрела в сторону Рубина – тот кивнул.

– Никита Мано, телеканал «ЖЖЖ». Антон Михайлович, допустим, нас вы успокоили, по крайней мере, меня – точно! – Никита жеманно повёл бровью. – Но как быть с народом? Пикеты против никелевых разработок не прекращаются. Готовы ли вы общаться напрямую с представителями общественности?

Антон узнал в этом манерном блондине давешнего репортёра из ночных новостей, и не смог сдержаться. Всё раздражение, годами копившееся по отношению к продажной породе щелкопёров, вся неприязнь к геям, весь гнев и досада сегодняшнего дня вылились на голову бедного телерепортёра.

– Послушайте, молодой человек, а разве вы не представляете здесь общественность? Разве не за этим собрали мы вас в этом зале? Разве не для того отвечаю я на вопросы, чтобы вы донесли ответы до народа? Разве это не ваша прямая обязанность – обеспечивать жителей Верхнедонска правдивой и объективной информацией?! Господа! – обратился он к остальным, – если у кого-то ещё остались подобные вопросы, то считаю этот час напрасно потерянным для всех нас.

Рубин встал с места, сухо попрощался и вышел из зала так же стремительно, как и вошёл. Журналисты засобирались. Алина бегала от одного к другому, стараясь смягчить резкость директора.

– Дурак! – высказала Боброва сникшему Мано. – Всё испортил.

«Вот дурак – не сдержался!» – думал про себя Антон, направляясь в свой кабинет.

Дела Верхнедонского филиала ГМК «Траст-Никель» шли не лучшим образом. Выиграв в непростой схватке лицензию на разработку чернавского месторождения, компания столкнулась с яростным сопротивлением местного населения. Вот и сегодня Семёнов доложил об оче-

редной стычке у лагеря геологов. Трое из них уже написали заявления об уходе – а значит, надо готовить замену. Ещё один допился до белой горячки и теперь видит за каждым деревом леших. Ковалёва тоже не порадовала на планёрке: в сметы снова не уложились. Зря её вообще включили в проект: она уже о пенсии мечтает, вместо того, чтобы шевелить мозгами. А тут ещё четвёртая власть распоясалась. Один этот попугай чего стоит! Ума нет – зато шума!

Антон стал думать, откинувшись в мягком кожаном кресле. Вечером, как обычно по четвергам, предстоял разговор с президентом компании Новиковым, лично курирующим чернавский проект. Он не терпел подробных пересказов, а требовал конкретные предложения по решению проблем. Их и надо было придумать за два часа.

В то самое время, когда директор филиала Антон Рубин сидел в кабинете, ломая голову над решением производственных проблем, кровожадные акулы пера уже строчили свои заметки и придумывали броские заголовки для первой полосы, фотокорреспонденты отбирали лучшие кадры с фотогеничным ньюсмейкером, а телерепортёры шурились у экранов, монтируя сюжеты вечерних новостей. Пресс-секретарь Алина Дёгтева с ужасом ожидала появления материалов, про себя ругая шефа за вспыльчивость, которая может стоить ему дорого. Уж она-то знала, на что способны обиженные журналисты, потому как сама была ещё недавно в их числе. И обижалась, и мстила, и злорадствовала, когда получалось ужалить побольнее. А потом гордилась своей профессиональной хваткой и умением «причинить добро». Но пришёл «Траст-Никель» и предложил деньги, которые Алине и не снились. И она перешла на другую сторону баррикад. Место досталось ей по счастливой случайности: шепнула знакомая из агентства по подбору персонала до того, как объявление попало в сеть. Что говорить, такими случайностями не разбрасываются, а значит, можно потерпеть и вспыльчивость шефа, и его щепетильность, и жёсткую требовательность к сотрудникам. Алина принялась рассылать партнёрские письма всем участникам конференции.

Ровно в 18:00 по местному времени экран монитора на столе Антона замигал. Рубин включился в сеть и увидел лицо тестя. Новиков выглядел свежим и бодрым, словно это был не конец рабочего дня, а раннее утро после пробежки и чашечки кофе.

– Здравствуй, Антон! Что нового? – задал он традиционный вопрос.

– Здравствуйте, Вадим Петрович! Всё под контролем, – также традиционно ответил Антон.

После этого ритуала можно было переходить к сути.

– Буду делать замену в геологоразведке, – сообщил Рубин.

– Что так? Лучших к тебе послал – сибиряков, – удивился Новиков.

– Да не выдержали сибиряки натиска местных казаков, – шутка получилась горькой.

– Значит, опять бунтуют... Что думаешь делать? Не будешь ведь менять геологов после каждой стычки?

– Нужно договариваться.

– Правильно, нужно! Пошли Семёнова, пусть потолкует с их атаманом. Спишешь как представительские расходы.

– Так не получится.

– То есть как не получится? Везде получалось, а здесь нет?! – Новиков начинал терять терпение. – С комиссией получилось, а там что – не люди живут?

– Думаю, тут нужно действовать по-другому.

– И как же?

– Через средства массовой информации.

– Я тебе, Антон, это давно предлагал. А ты всё щепетильничал. Теперь, вот видишь – сам к этому пришёл, – Вадим Петрович удовлетворённо откинулся на спинку кресла. – Ну, что ж – дерзай!

– Сегодня провёл пресс-конференцию, – Рубин поморщился, вспоминая её финал.

– Антон, ну какая пресс-конференция? – сокрушённо развёл руками Новиков. – Выбери кого-то посolidней, чтобы власть уважала, бизнес прислушивался, да народ верил. Им и поручи дело. Есть в Верхнедонске такие?

– Найду.

– Ну, вот и хорошо! – Новиков отвлёкся на секретаря со срочной бумагой.

Антон размышлял, говорить или нет про перерасход квартальной сметы, но Вадим Петрович спросил об этом сам:

– Что ещё у тебя? В смету укладываешься?

– Перерасход процентов на десять, – признался Рубин.

– Терпимо, – благодушно отозвался Новиков, – потом наверстаешь. Это всё?

– Да вроде всё.

Президент компании «Траст-Никель» расслабил галстук и приглушил свет настольной лампы.

– Глаза к вечеру устают, – пожаловался он и потёр переносицу подушечками холёных пальцев. – Я вчера с Эллой говорил – что у вас там опять? Чего не живётся?

Антон не горел желанием обсуждать с тестем проблемы своей семейной жизни. Элла Новикова была его единственной, горячо любимой дочерью, и при любых объяснениях правда была на её стороне. Да и какая может быть семейная жизнь, если один живёт в Верхнедонске, а другая на Кипре, и проводят супруги вместе в общей сложности пару месяцев в году? Да и как проводят? В скандалах с битьем посуды, спорах до хрипоты и бурных примирениях в спальне с бдительным применением противозачаточных средств. Не было случая, чтобы приезд Эллы не завершился её обещанием всё рассказать папе. До тридцати двух лет она оставалась капризной избалованной девочкой.

– Вадим Петрович, да не берите в голову, разберёмся, – попытался успокоить тестя Антон.

– Да вы уже два года как разбираетесь. Внуков когда нарожаете? Династию продолжать собираетесь?

– Это надо у Эллы спросить, – сухо заметил Антон.

Жена детей не хотела.

– Ладно, не буду лезть в ваши дела. Но учти, пункт 4.6 остаётся в силе.

Рубин хорошо помнил подписанный им в день свадьбы брачный контракт на семнадцати прошнурованных красным шёлком листах. И пункт 4.6 тоже помнил: в нём говорилось о лишении доли в компании в случае отсутствия наследников в течение пяти лет по вине супруга. Их с Эллой брак с самого начала и с обеих сторон был больше похож на инвестицию. Только раньше Антон воспринимал это как должное, а за последние полгода устал. Устал уговаривать Эллу родить ребёнка. Устал терпеть её безумные прихоти. Устал оправдываться перед тестем и выслушивать напоминания о злосчастном пункте.

– Уже поздно. Давай заканчивать, – миролюбиво предложил Новиков.

– До свидания, Вадим Петрович.

– До свидания, Антон.

Окошко на экране погасло. На Антона навалилась невыносимая скука. Он выключил свет, замкнул кабинет и отправился ужинать в «Шиншиллу».

Глава 3. Эволюция как она есть

После злополучной пресс-конференции компании «Траст-Никель» Никиту Мано отстранили от никелевой темы. С горя Никита коротко постригся и перекрасился в пепельный цвет, став похожим на солиста группы «Абсент». Боброва критически оглядела его причёску: «Что, посыпал голову пеплом?». Никита огрызнулся, ответив, что такой консерватизм, как у неё, – третий год ходит с чёрным конским хвостом – не пристал редактору модного журнала. На том и разошлись.

После двухнедельной депрессии Никита, кажется, вступил на белую полосу своей жизни и теперь шёл в городской Центр эволюции человека брать интервью у его директора. Жаркий апрельский день источал тревожные ароматы цветущих каштанов. Аллея вела к резной чугунной ограде с навечно распахнутыми воротами.

Ультрасовременное здание из стекла и бетона торчало бельмом в глазу старого городского парка. Когда-то здесь гостил цирк-шапито, устраивались танцы под духовой оркестр, позже располагался Луна-парк, но приезжал он столь редко, что большую часть времени просторная площадка среди каштанов пустовала. Однажды на неё обратил внимание столичный коммерсант и попытался выторговать у городских властей. Власти задумались: «С какой стати мы будем разбазаривать муниципальную землю чужакам?» и объявили внутренний конкурс. Но что-то там не заладилось, и дело заглохло. А лет пять назад нашёлся-таки местный инвестор, который в рекордно короткие сроки возвёл это чудо архитектурной мысли, не особенно задумываясь о назначении объекта и его органичности в парковой среде. Правой рукой и тайным советником инвестора стал Виталий Смирных – нынешний директор Центра эволюции человека, занявшего все три этажа ультрасовременного здания. К нему и направлялся сейчас Никита.

В Центре его ждали. Директор лично встретил у дверей кабинета и пригласил внутрь. Виталий Смирных оказался энергичным, говорящим скороговоркой мужчиной средних лет с порывистыми жестами и лёгкой проседью в густой русой шевелюре. Начал без предисловий:

– Вы, конечно, знакомы с нашим Центром!?

– К сожалению, только заочно.

– Ну, это непростительно, – огорчился Смирных, – люди вашей профессии должны быть в курсе всех передовых и перспективных движений. Ничего, мы это сейчас быстренько исправим, – и повёл Никиту на экскурсию.

Центр эволюции человека оказался настоящим храмом, в котором по замыслу Смирных каждый сознательный житель Верхнедонска должен эволюционировать, всесторонне и непрерывно на протяжении всей жизни. А также приводить для совместной эволюции детей, друзей и родственников. На первом этаже размещалась зона физического развития – тренажёрный зал, классы йоги и цигун, диетологи, консультанты по фитнесу и дыханию. В фойе – уютное кафе и фитобар с обширной картой фирменных чаев и травяных сборов. Узкий коридор вёл в роскошный конференц-зал, где по выходным проводились встречи с выдающимися мастерами и лекторами – светилами эволюции. Второй этаж был посвящён интеллектуальному развитию. Никита с любопытством разглядывал вывески на дверях: целеполагание, скорочтение, развитие памяти, ассоциативное мышление, тренинг бесстрашия, клуб миллионеров, школа креативности, ораторское искусство... и даже академия оболщания. В скобках было подписано, что для мужчин и женщин занятия проводятся отдельно.

– Какой у вас IQ? – неожиданно поинтересовался директор Центра.

– Не знаю, – растерялся журналист, не сразу переключив мысли с академии оболщания.

– Увеличим вдвое! – уверенно заявил Смирных. – Но сначала протестируем.

Он открыл дверь комнаты, где обычно проходило тестирование. К счастью для Мано, она была занята группой молодых женщин с накладными ногтями.

– Ладно, в другой раз, – пообещал экскурсовод и продолжил рассказ, увлекая Никиту на третий этаж. – А здесь у нас представлена самая высокая ступень эволюции. Видите, она и расположена на самом верху. Это область талантов и способностей, заложенных в нас с рождения, но погребённых под слоем лет и комплексов. Здесь мы откапываем, очищаем и граним их, как бриллианты. Помогают нам в этом лучшие психологи и арт-терапевты. Вот вы, например, умеете рисовать? – обратился он снова к Никите.

– Я? Немного. В детстве, кажется, ходил в изостудию.

– Вот видите! А между тем рисование – это не просто заполнение листа бумаги линиями и красками. Это ещё и способ обращения к своему подсознанию. Приходите в следующую пятницу – пробное занятие у нас бесплатно!

– Постараюсь, – соврал Мано.

Тут они подошли к угловой комнате с массивной двустворчатой дверью, украшенной надписью: «Сверхвозможности – это реально». Смирных открыл её магнитным ключом и пригласил журналиста внутрь. Комната была целиком обита пробкой, окна зашторены. Два зеркала в углу выставлены таким образом, что создавали бесконечный коридор. Заглянув в него, Никита испуганно отшатнулся: так глубока была зеркальная воронка. Несколько матов валялись на полу. Пространство дышало ароматом сандала и ладана. Множество предметов, которые, как представлялось Никите, могли составить рабочую коллекцию какого-нибудь мага или шамана заполняли пространство этой странной комнаты: каменные пирамидки, свечи, хрустальный шар размером с футбольный мяч.

– Здесь – сердце нашего Центра – зона тренировки сверхвозможностей, – директор понизил голос до шёпота и, Никите показалось, оглянулся по сторонам. – Вы, конечно, знаете: человек использует лишь мизерную часть заложенных в него природой возможностей. Наша задача – развить эти малые крупички. – Смирных одухотворённо взмахнул руками: – Человек способен летать, читать мысли на расстоянии, видеть будущее, он может силой воли передвигать предметы, ходить по стеклу и держать в руках горящие угли, совершать астральные путешествия и управлять сновидениями... Но, – тут он выразительно взглянул на Мано, – есть одно «но». Человек должен этого очень сильно хотеть и безоговорочно в это верить.

– А сами вы верите? – вырвалось у Никиты, и он тут же прикусил язык.

Смирных пристально и даже с некоторым сожалением посмотрел на журналиста, на миг задумался и решительно шагнул в сторону покрытой пластиком площадки. Мано послушно последовал за ним. Виталий скинул туфли, снял носки и стал закатывать штанины брюк с видом человека, собравшегося переходить реку вброд. Движения его были сосредоточены и точны. Он расстелил коврик и вывалил на него груды битого стекла. Сверху положил несколько пустых бутылок и вручил Никите бейсбольную биту.

– Бейте! – скомандовал он.

Никита с трудом приподнял тяжёлую колотушку и неуверенно ударил по пузатой бутылке – та не поддалась. Он попробовал одолеть другую – снова тщетно. Смирных выхватил из рук Мано биту и стал самозабвенно колотить по бутылкам. Вскоре груды битого стекла пополнилась свежими осколками. Разгоряченный боем посуды директор Центра отважно ступил голыми пятками на цветное стеклянное месиво. Никита зажмурился, ему казалось, алая кровь брызнет сейчас фонтаном из разорванных артерий и зальет бутылочную мозаику на ковре. Но нет, открыв глаза, журналист столкнулся с насмешливым взглядом директора. Ноги его были целы и невредимы. Он месил стеклянную горку как глину, подпрыгивая и шаркая по ней ступнями. В заключение номера – Никита в этот момент почувствовал себя цирковым зрителем – Смирных ловко встал на руки и сделал в воздухе шпагат. После чего спрыгнул с коврика как акробат с брусьев.

Деловито отряхнув подошвы ног, надел носки, зашнуровал ботинки.

– Я ответил на ваш вопрос?

– Вполне, – пролепетал ошеломлённый Никита.

– Ну что ж, – подытожил директор, – вы увидели наш Центр своими глазами, теперь можно и побеседовать. Прошу в кабинет, – и оба – чуть живой гость и торжествующий хозяин – двинулись вниз.

Два часа слушал взмокший от напора собеседника Никита монолог директора о Центре эволюции, о скрытых возможностях человека и важности их раскрытия, о развитии личности как части эволюционного процесса человечества. Вопросы были излишни – Смирных задавал их себе сам и сам же с жаром на них отвечал. Оставалось только договориться о времени съёмки, но рассказчик не давал гостю вставить ни слова.

В дверь робко постучали. Показалось востроносое, с рыжей чёлкой лисье личико секретарши:

– Виталий Андреевич, извините, вас там ждёт посетительница. Что ей сказать?

Смирных посмотрел на часы и хлопнул себя по лбу:

– Совсем забыл! Скажите, через пять минут приму.

– Счастливые часов не наблюдают, – улыбнулся Никите. Встав из-за стола, он протянул руку: – Надеюсь, вы получили исчерпывающие ответы на свои вопросы.

«На свои?» – ухмыльнулся про себя журналист. Другой мыслью, промелькнувшей в его голове, была: «Совсем забыл? А как же кабинет с табличкой «Тренировка памяти»? Но Никита вспомнил танец на битом стекле и всё простил. А потом и сам позабыл всё на свете, когда вышел в приёмную и увидел там ожидающую рандеву посетительницу.

«Вот это стиль!» – восхищённо обмер Маню, жадно оглядывая снизу доверху сказочную диву с зелёными виноградинами глаз. Волосы цвета выгоревшей полыни, прихваченные на затылке завитком лесного плюща, змеились по плечам, как живые. Многослойный балахон мягко окутывал довольно пышные формы, и было в нём всего понемногу: клейкой молодой листвы, цветущего изумрудом мха и бурой болотной жижи. Незнакомка устала свои топкие колдовские глазищи на зачарованного Никиту и улыбнулась – журналисту вдруг показалось, что дохнуло речной тиной, но лишь на мгновение. Она встала с кресла, и его обдало медвяным ароматом свежескошенного луга.

– Лариса, – девушка протянула руку с витым браслетом из позеленевшей меди.

– Никита, – севшим голосом ответил журналист.

Со стороны могло показаться: вот она – идеальная встреча, любовь с первого взгляда! Но это лишь со стороны. Никита глядел на Ларису исключительно глазами впечатлённого до потери слов эстета, но никак не восторженного мужчины. И оба об этом знали. Поэтому продолжение было таким: Никита не удержался и спросил имя стилиста, создавшего неподражаемый образ Ларисы. Та ответила, что своим стилем занимается сама, более того род её занятий непосредственно связан с внешностью. Далее они обнаружили область пересечения интересов и обменялись визитками. На всё ушло ровно пять минут, после чего новую знакомую пригласили в кабинет Смирных, а Маню с облегчением покинул храм эволюции.

Как только Никита вышел за чугунную ограду, вынул из кармана визитную карточку и внимательно её рассмотрел. На шершавой, как лист мать-и-мачехи, бумаге было написано имя – Лариса Болотова, под ним значилось: «консультант по красоте» и номер телефона. Ни электронной почты, ни адреса не было. Маню поднёс визитку к носу и принялся: карточка хранила еле слышный аромат сена.

Тем временем в кабинете Виталия Смирных разворачивались события, повлиявшие впоследствии на жизнь всего Верхнедонска и на карьеру Никиты Маню в частности. Ожидалось прибытие в город и эксклюзивное выступление в Центре эволюции хорошо известного

в Европе учёного-футуролога. Именно об этом говорили за закрытыми дверями Смирных и его очаровательная визитёрша, так невежливо протомлённая в приёмной и оказавшаяся, между прочим, личным секретарём и ассистентом вышеозначенного учёного. Когда Виталий представил себе, что могло бы произойти, если бы госпожа Болотова не дождалась аудиенции, его охватил нервный озноб – ещё бы! – он мог упустить редкий шанс принять у себя звезду мировой величины. Перечень регалий и почётных званий занял – он засекал – без малого семь минут. Работа с престижными швейцарскими клиниками, сотрудничество с именитыми психиатрами, несколько открытий в области валеологии и натуропатии, частные консультации политиков и кинозвёзд – всё это было в послужном списке ожидаемого гостя.

– Это замечательно и очень мудро с вашей стороны, что вы обратились в наш Центр, – усетился Смирных, угощая Болотову травяным чаем с хмелем, который та попросила.

– Ну что вы, у нас просто не было выбора, – бархатным сопрано дышала Лариса, – ваш Центр вне конкуренции!

Смирных искрился и сиял.

– Уверяю вас, после выступления вы захотите побывать у нас снова, – его воображение живо рисовало картину аншлага и число нулей в цифре выручки.

– Нисколько не сомневаюсь, – соглашалась гостя, глядя на Виталия своими зелёными омутами.

Посвежело, из открытого окна потянуло лесной сыростью. Лариса встала и накинула на плечи невесомую как туман шаль.

– Простите, а как зовут учёного? Что написать в афишах? – опомнился директор, когда та собралась уже уходить.

– Как, я разве не сказала? Дарья Степановна.

Смирных опешил: он никак не ожидал услышать простое русское имя, женское и к тому же такое незамысловатое.

– Дарья Степановна Кремер, – повторила Лариса, – у неё русские корни. Вас что-то смущает?

– Да нет, – пробормотал директор и записал имя в блокнот. – Итак, 29 мая, суббота, начало в 19 часов.

– Всё верно, – улыбнулась визитёрша, первой протянув руку для прощания, – до скорой встречи! – и выскользнула прочь, оставив шлейф травяных духов.

– Буду с нетерпением ждать, – ответил ей вслед Смирных.

Вернулся за стол и вписал намеченную дату в календарь мероприятий. Потом распорядился заказать афиши и дать анонсы в газетах и журналах. Набрал номер Мано и попросил его добавить информацию о предстоящем событии в интервью, пообещав за это контрамарку на два лица. Велел секретарше приготовить кофе и принялся за составление списка VIP-персон, которых намеревался лично пригласить на встречу с госпожой Кремер.

Глава 4. Адвокат никеля

«Продаётся всё – вопрос в цене!» – кредо директора информационного агентства «Край» Анатолия Орешкина знали назубок все его сотрудники. Несогласные надолго не задерживались. Зато те, кто проникался сермяжной правдой этого незамысловатого тезиса, имели все шансы заработать денег и сделать себе имя в деловой среде. К нему рвались на практику студенты журфака – нигде больше не познавали они столько нового и интересного в столь сжатые сроки, а уж о практической ценности приобретённого опыта и говорить нечего! Строчка в резюме с упоминанием скромного стажа в информагентстве «Край», весила куда больше, чем годы работы где-нибудь ещё. К Орешкину стремились и матёрые акулы пера, и начинающие журналисты. Ему доверяли директора предприятий и владельцы компаний, к нему благоволили власти, и побаивались те, чья власть или деньги не могли обеспечить его лояльности. С ним дружили все, кто нуждался в крепкой информационной подпорке, и ненавидели те, кто когда-то имел неосторожность с ним поссориться. За тринадцать лет своего существования «Край» стал безусловным лидером и по числу цитирований, и по представительности базы информаторов, и по влиянию на деловой климат Верхнедонска. Надо отдать должное профессиональному нюху Орешкина: он мог безошибочно определять перспективные направления, золотиносные темы и прибыльные контакты. Когда-то и Алина Дёгтева студенткой третьего курса пришла на практику к легендарному Орешкину. И конечно, когда Рубин спросил её мнение о том, кому в городе можно доверить деликатный вопрос погашения конфликта с местным населением, она, не раздумывая, назвала имя наставника.

Выйдя из кабинета Рубина, Алина сразу же набрала номер референта Орешкина: звонить на мобильный она постеснялась, да и полученный в «Крае» опыт подсказывал ей, что, представившись пресс-секретарём компании «Траст-Никель», она добьётся большего, чем назвавшись бывшей практиканткой. Её тотчас соединили.

– Здравствуйте, Анатолий Викторович, говорит пресс-секретарь Верхнедонского филиала компании «Траст-Никель» Алина Дёгтева, – хорошо поставленным голосом отчеканила она в трубку.

– О, Алина! Как же, помню-помню, здравствуй, – заулыбались на том конце провода, непонятно чему радуясь больше – громкому имени компании или знакомому бывшей практикантки.

– Анатолий Викторович, у меня к вам очень важное дело, – короткая пауза. – Ну, не у меня конечно, а у компании, которую я представляю.

– Слушаю вас, Алина, – Орешкин подчёркнуто перешёл на «Вы», сменив отеческий тон на уважительно-строгий деловой.

– Дело в том, что наш руководитель Антон Михайлович Рубин хотел бы встретиться с вами для конфиденциального разговора.

При слове «конфиденциальный» Орешкина охватило приятное томление.

– В любое удобное время, – ответил он без промедления, – с удовольствием приглашаю господина Рубина к нам в редакцию или на деловой обед в лучшее из заведений города.

– Антон Михайлович предпочёл бы встретиться с вами у себя в офисе.

– Понимаю. Когда?

– В эту пятницу, в 11:30, вас устроит?

– Вполне. Спасибо за звонок, Алина.

– Не за что. Я только выполняю свою работу, – пошутила бывшая практикантка, а ныне опытная пресс-секретарь крупной компании.

Положив трубку, Алина подумала: «Интересно, догадался ли Орешкин, что она, Алина действует и в его интересах тоже?». «А эта Дёгтева хваткая девица!» – заключил Орешкин после разговора с бывшей практиканткой.

Не успев толком начаться, неделя подходила к концу. Рубин лично ездил на встречу с геологами, но те лишь опускали глаза и кивали на семьи, которые, по их словам, «ждут их, живых и невредимых, больше, чем заработанных ими денег». И без того немногословные сибиряки наотрез отказались описывать подробности происшествия. Не стали они ни зачинщиков называть, ни протокол подписывать. Семёнов бегал вокруг них, то угрожая, то заглядывая поочерёдно в глаза каждому, размахивал папкой, но так ничего и не добился кроме сухой объяснительной записки – одной на троих. Четвёртый геолог – молодой и холостой Александр Курочкин – лежал в платной палате психиатрической клиники с предварительным диагнозом «алкогольный галлюциноз второй степени». Палату оплачивала компания, а медперсоналу было строго-настрого запрещено давать кому бы то ни было информацию о пациенте и велено никого к нему не впускать. Не хватало ещё, чтобы об этом пронюхали журналисты!

Заголовки в газетах и журналах после встречи с прессой не оправдали ожиданий Рубина. Их можно было разделить на две неравные части: меньшую составляли лояльные заметки, довольно точно отражающие основную идею его выступления, большую – критические отзывы с упором на личные качества самого Антона. Вспыльчивость и резкость директора филиала отметили многие, увязав их с горячностью в принятии решения о разработке никеля на территории заповедника. С утра Алина представила подборку материалов с пресс-конференции, проранжировав их по степени влияния на умы верхнедончан опубликовавших их СМИ. На самом верху лежала распечатка с портала информагентства «Край». Она была самой короткой и самой нейтральной. Антон не знал, радоваться этому или огорчаться, и отложил решение на день, до личной встречи с его руководителем.

В пятницу, в 11:28, на пороге приёмной появился человек. Появился он как раз в тот момент, когда в комнате никого не было. Был он среднего роста, в сером костюме. Ступал тихо, двигался бесшумно. На лице его блуждала тонкая полуулыбка – такая бывает у людей, уставших хранить чужие секреты, но ни за что не согласных отказаться от этого привычного груза. Глаза посетителя скрывали затенённые стёкла дорогих очков. В руках он держал увесистую кожаную папку с тиснёным логотипом «Край». Это был Анатолий Орешкин собственной персоной. Редко, очень редко, выбирался он из глубин родного кабинета для первого знакомства. Но в данном случае сделать исключение было несложно – внутреннее чутье, острое как у гончей, вывело его на никелевый след ещё раньше, чем позвонила Алина. Орешкин выжидал. И вот, наконец, дождался.

– Вы ко мне? – спросил с порога высокий брюнет, всем обликом источавший запах никеля и денег.

«Рубин», – узнал Орешкин и шагнул навстречу.

– Здравствуйте, Антон Михайлович. Анатолий Орешкин, директор информационного агентства «Край», – представился он, сняв очки.

– Добрый день, Анатолий... – Рубин подал руку и вопросительно замолк в ожидании отчества.

– Викторович.

– Анатолий Викторович. Рад знакомству. Пройдёмте в мой кабинет.

Мужчины скрылись за двойными дубовыми дверями.

– Мне рекомендовали агентство «Край» как наиболее влиятельное в регионе, – произнёс Рубин, взглядывая в глаза собеседника, – поэтому я пригласил вас обсудить первостепенную для нас на сегодняшний день задачу.

– Спасибо за доверие. Уверен, смогу вам помочь, – отозвался Орешкин.

– Вы наверняка знаете о противодействии, которое оказывает местное население нашим разработкам под Чернавском. Это сильно осложняет работу компании. Что вы думаете по этому поводу?

– Видите ли, Антон Михайлович, – начал Орешкин издали, – мы с вами живём в век информационных технологий – с этим ничего не поделаешь. Возможно, они не так сложны как технологии в горно-металлургической отрасли, и не так дороги, но весьма эффективны. Этого нельзя недооценивать.

Рубин внимательно слушал собеседника.

– Отсутствие или недостаток информации неизменно приводит к возникновению и движению контринформации, подобно тому как шахтные пустоты после выработки, если их не залить бетоном, заполняются грунтовыми водами.

«Надо же, а он неплохо осведомлён» – с уважением подумал Рубин. Орешкин мгновенно уловил эту мысль в глазах потенциального заказчика и перешёл к главному.

– На мой взгляд, проблема состоит именно в этом – в недостатке нужной информации, в её бессистемности, в отсутствии единой репутационной стратегии. Мне кажется, что при таких серьёзных инвестициях в чернавский проект финансирование его информационной части должно быть соответствующим. Иначе информация может стать оружием, направленным «против» – оружием действенным, сокрушительным и очень опасным.

– Вы считаете, что проблема в недостатке финансирования? – уточнил Рубин.

– Ни в коем случае, – возразил Орешкин, – я только позволил себе заметить, что в структуре финансирования должны быть учтены интересы информационной защищённости проекта.

– Хм, – Антон был озадачен, как по-разному можно выразить одну и ту же мысль и как разительно она при этом меняется, – ну, допустим, финансирование есть – что дальше?

– Дальше нужна продуманная информационная политика. Понимаете, тут нужно быть и адвокатом, и психологом, и просветителем. Людей нужно успокоить, ими движет страх, а страх – от неведения. Вспомните, как раньше в эпоху суеверий боялись всяческих знаков и знамений. Прошло время, и люди перестали обращать на них внимание. Страхи успешно лечатся. Надо представить общественности боязнь никелевых разработок одним из суеверий современности и популярно развенчать его.

– Любопытная мысль, – усмехнулся Антон, – и, кажется, не лишена рационального зерна. Вы упомянули ещё про адвоката?

– Совершенно верно, – подтвердил Орешкин. – Можно сколько угодно рассуждать о правосудии и справедливости. Но мы-то с вами знаем, что это далеко не одно и то же. За решёткой может оказаться невинный человек. Его шансы быть оправданным равны нулю, если отсутствует достойная защита, – он многозначительно ухмыльнулся. – Так и здесь. Проект освоения никелевых месторождений – подзащитный, который нуждается в опытном адвокате.

– И этот опытный адвокат вы? – Рубин немигающим взглядом упёрся в глаза Орешкину.

Директор «Края» стойко выдержал взгляд, только жёлтые его глаза будто немного оплавилась, словно разогретый на водяной бане мёд.

– Да, наше агентство сможет защитить интересы проекта чернавского месторождения, – уверенно произнёс он.

– И сколько будет стоить ваша защита?

Орешкин вытащил из кармана телефон, набрал на экране цифру и показал её собеседнику. Тот кивнул.

– Что ж, надеюсь, издержки на адвоката окупятся, и подзащитный будет полностью оправдан.

Он развернулся в кресле и набрал код сейфа. Дверца мелодично тренькнула и разверзла свою бронированную пасть. Рубин вытащил из зияющей чёрной дыры стопку запечатанных купюр и положил их перед Орешкиным.

– Это задаток. Через неделю жду подробный план действий.

– Конечно, Антон Михайлович, – заверил Орешкин, сгребая пачку, – я возьму дело под личный контроль. Приятно было познакомиться.

Мужчины скрепили договоренность рукопожатием и на неделю расстались.

Выйдя из офиса «Траст-Никель» Орешкин снова надел очки, спрятав под ними золотой блеск и радость от постигшей его крупной удачи. Через полчаса он был в своём кабинете.

Журналист «Края» Перцев снова попал в историю – явился в редакцию мятым и хмурым, с фиолетовой отметиной под левым глазом. Вечно он оказывался в гуще скандалов, чужих разборок и двусмысленных ситуаций. Если его шеф Орешкин обладал острым чутьем на деньги, то Перцев – на конфликты. Первый извлекал из своего умения осязаемую пользу, второй – одни проблемы. Ладно бы, если они касались только его. Так нет же! Однажды он втянул фотографа Тапочкина в авантюру, стоившую тому разбитой камеры. Взялись выслеживать чиновника, замеченного в посещении спиритических сеансов, да чуть было сами не стали спиритами. Крепкие ребята, далёкие от мира бесплотных духов, объяснили им физически их глубокую неправоту. Другой раз, во время конфиденциальной беседы с директором торгового центра «Дон», Перцев попытался незаметно включить диктофон, за что был не только с позором изгнан из кабинета, но и навсегда лишён возможности удовлетворять свои потребительские инстинкты в вышеупомянутом центре. Да что говорить, много раз журналист Перцев становился жертвой своего неуёмного профессионального пыла, помноженного на тщеславное стремление быть лучшим. Надо признать, кое в чём он действительно преуспел. В редакции агентства «Край» ему не было равных в умении перевернуть всё с ног на голову, сделать белое чёрным, а чёрное – белым. Редкий талант и незаменимое качество, когда дело касается укрощения электората, восстановления подмоченной репутации или формирования общественного мнения. Этим талантом Перцева не раз пользовался Орешкин с немалой выгодой для себя и всего коллектива. За это прощал ему маленькую слабость – страсть к выпивке. Впрочем, она не сильно вредила профессии и не особенно влияла на свойство притягивать конфликты: будучи трезвым, журналист находил на свою голову не меньше, а иногда и больше проблем.

В половине пятого Перцев открыл дверь кабинета Орешкина.

– Проходи, Андрей, – ласково пригласил директор, закрывая на ключ нижний ящик стола. – Что на этот раз? – поинтересовался он, увидев синяк.

– Да ничего особенного, – махнул рукой журналист, – споткнулся, упал, ударился о перила.

– Я так и понял, – легко согласился Орешкин и сразу перешёл к делу. – Ты ведь закончил тему с рыбными консервами? Что там у тебя сейчас в разработке?

– Сдал сегодня статью по конфликту между застройщиками. Заключительную. Слепцов утвердил график публикаций на квартал. Остальное по мелочам.

– Так. Мелочи оставим другим. А тебе, Андрей, предстоит взяться за очень крупное и очень ответственное дело. Деньги федеральные. – Орешкин выразительно глянул на Перцева золотыми монетами глаз. – Это «Траст-Никель». Потянешь?

Немалых трудов стоило Перцеву не завопить во всю глотку: «Ура!!! Я? Да, конечно же, потяну! Чтобы я и не потянул?!». Он был рад до дрожи в коленях, до острых иголок по всей спине, до пересохших губ и острого возбуждения охотничьей собаки, вывезенной хозяином в лес на первую в сезоне охоту. О таком заказе можно только мечтать, не то что эти просро-

ченные рыбные консервы или судебные разбирательства не поделивших землю застройщиков. Было понятно, что и бюджет будет под стать громкому имени заказчика. Но он сдержался.

– Если сию здесь, то, наверное, считаешь, что потяну! – дерзко ответил он Орешкину – тот позволял ему в числе немногих наедине обращаться на «ты».

Шеф удовлетворённо кивнул и придвинулся ближе, навалившись грудью на покрытый бумагами стол.

– Тогда слушай, – и кратко изложил содержание поставленной Рубиным задачи. – Работать будем на пару. Ты собираешь фактуру. Всю. Ездишь на объект и общаешься с местными. Беседуешь с экспертами. Я контролирую заказ. Полностью. Лоббирую интересы заказчика в областных структурах и общественных организациях. Контакты с Рубиным тоже на мне. Ясно?

Перцев кивнул.

– Заказ назовем «Адвокат никеля». Договора не будет, работаем без документов. Вся информация здесь, – Орешкин потряс перед Перцевым жёлтой флешкой. – Вопросы есть?

– Есть. Почему «адвокат»?

– Потому что ты и есть адвокат, – ответил Орешкин, – адвокат никелевого проекта. Ты должен знать о своём клиенте абсолютно всё, всю правду, какой бы она ни была, и обернуть её на пользу подзащитного. Смягчить приговор, если он виновен, и отменить, если нет. Даже нет, не так – оправдать полностью в любом случае!

– Я понял. В контексте предложенной юридической терминологии прокурор – это эко-активисты, присяжные – лидеры мнений среди местных жителей, а свидетелей мы привлекаем лишь тех, кто сможет реально помочь в защите проекта освоения чернавского месторождения.

– Молодец, правильно мыслишь, – похвалил директор. – Если справишься – сделаю тебя начальником отдела и удвою оклад.

Перцев выпрямился и преданно посмотрел на хозяина.

– Когда приступать?

– С завтрашнего дня.

С завтрашнего дня Перцев решил завязать с выпивкой, починил потрёпанный временем Форд и купил новый диктофон: старый не годился для выполнения миссии по спасению проекта никелевого месторождения от жителей Верхнедонской области.

Глава 5. Люди и куклы

Элла Новикова сошла с трапа частного самолёта, свежая и красивая, обдуваемая тёплым апрельским ветром. Одной рукой она придерживала оранжевую шляпу, поля которой трепетали на ветру как крылья экзотической бабочки, другой прижимала к груди хилое дрожащее существо в бантиках и стразах. Изнурённое долгим перелётом существо тихо поскуливало и с укором подымало влажные масляные глаза к лицу бессердечной хозяйки.

– Ну, потерпи ещё немного, Мони, – уговаривала та несчастное животное, – скоро уже приедем.

Мони перебирала лапками и тыкалась мокрым носом в ладонь.

О своём прибытии в Верхнедонск Элла сообщила Рубину накануне вечерним звонком. Антон был загружен и хотел послать в аэропорт водителя, но, представив какой жена может устроить скандал, решил ехать лично. Со смешанными чувствами наблюдал он за молодой эффектной женщиной, спускавшейся с небес на землю, тщетно вылавливая в себе остатки нежности и теплоты, безвозвратно улетучившихся за годы их совместно-раздельной жизни. Да, красива – спору нет – красива той породистой красотой, присущей потомственным аристократам, отшлифованной до совершенства богатством и бездельем. Платиновая блондинка с золотистой кожей и бирюзовыми глазами. Жизнь на Кипре – беззаботная, полная неги и роскоши – лишила её последней способности думать, удивляться, сопереживать. Даже не верится, что когда-то она смогла зацепить Антона своей холодной безучастной красотой. Однако играть в «верю – не верю» поздно, да и бессмысленно.

Антон шагнул жене навстречу.

– Антоша, дорогой! – воскликнула сошедшая с небес красавица и манерно припала к ладони его пиджака.

– Здравствуй, Элла, – Антон скользнул губами по её щеке и забрал у пилота чемодан.

– Ты рад мне, милый? – Элла обвила шею мужа рукой.

– Не могу сказать, что очень, – жёстко ответил Рубин, – у меня много дел, а я вынужден торчать в аэропорту, ожидая опоздавший на два часа самолёта. Могла бы предупредить.

– Ой, ну, прости, Антончик, – надула пухлые губки Элла, – я просто забыла о разнице во времени! Не сердись! Поедем лучше куда-нибудь выпьем шампанского, у нас есть повод.

– Повод? И какой же?

– Секрет-секрет! – защebetала Элла. – Но тебе понравится новость! Мони, ведь правда ему понравится?

Мони жалобно заскулила и задрожала с новой силой.

– Если тебе хочется шампанского – выпьем вечером, а сейчас, извини, мне нужно работать.

Антон завез Эллу с собачкой домой и уехал в офис.

За время отсутствия Рубина в офисе произошли странные, никак не связанные между собой, а оттого кажущиеся ещё более нелепыми события. Во-первых, в окно бухгалтерии, открытое настежь по случаю неслыханной жары и поломки кондиционера, залетел огромный чёрный ворон. Откуда он взялся в центре большого города – непонятно. Птица взгромоздилась на шкаф и злобно посверкивала оттуда чёрными бусинами глаз. Главбух Татьяна Дмитриевна Ковалёва не на шутку расстроилась, усмотрев в появлении пернатого дурное для себя знамение, и принялась сморкаться в батистовый платочек. На попытки изгнать ворона с облюбованного места тот отвечал хриплым карканьем и угрожающе растопыривал крылья. А крылья эти, надо сказать, в размахе были не меньше метра – целый гриф! Пришлось позвать охранника.

Тот врукопашную схватился с чёрной птицей, был ею дважды клёван, но повёл себя героем и в конце концов выдворил самозванца обратно в окно.

Вторым событием, изумившим сотрудников офиса, было явление курьера с подарочной корзиной, полной травяных чаев – мятный, липовый, ромашковый, барбарисовый – всего около двадцати сортов. Вместе с чайными мешочками в корзине лежал горшочек мёда. Подарок был доставлен из Центра эволюции человека. В центре чайной композиции белел незапечатанный конверт. Когда секретарша взяла на себя смелость заглянуть внутрь, то обнаружила стопку приглашений на лекцию некой Дарьи Степановны Кремер – знаменитого футуролога современности. О существовании учёной дамы в офисе не знал никто и имени такого никогда не слышал. Хотели уточнить у курьера, но того и след простыл. Спрятали приглашения обратно в конверт, а корзину оставили в приёмной директора.

Помимо корзины с чаями в приёмной Рубина дождался пожилой мужчина в толстых очках, представившийся Григорием Васильевичем Сидоренко. Он терпеливо сидел уже второй час, держа на коленях потрёпанный портфель из дерматина. От расспросов о цели визита посетитель уклонялся, от кофе отказывался, предложение записаться на приём в другой день отвергал. Увидев вошедшего Рубина, вскочил со стула и кинулся наперерез.

– Антон Михайлович, здравствуйте! Я профессор Сидоренко, мне нужно поговорить с вами. Очень важное дело. Уделите мне десять минут!

– Ни десять, ни пять минут, к сожалению, уделить не могу, извините, – Рубин даже не взглянул в сторону старика.

– Это касается чернавского месторождения, у меня есть чрезвычайно важные сведения, которые могут вас заинтересовать, – не сдавался Сидоренко, прижимая к груди портфель.

– Те сведения, которые меня интересуют, я нахожу без труда сам, – сухо ответил Антон. – Вы можете оставить информацию моему секретарю, – и скрылся в кабинете.

Сидоренко понурил плечи и, постояв с минуту перед закрытой дверью, горестно поплёлся прочь. Секретарша, проникшись сочувствием к неудачливому посетителю, предложила записать его на другой день, но тот лишь удручённо махнул рукой.

Из-за встречи Эллы целый день пошёл наперекосяк. Рубин не успел сделать и половины намеченного: пропустил планёрку, отменил совещание, опоздал на встречу с главой департамента – подобного за ним никогда прежде не водилось. А усталость была такой, будто отработал смену в шахте. Природа этой усталости была ему хорошо знакома. Она проистекала из тяжести, тягучей скуки и глухой пустоты, охватывающей Антона в последнее время в присутствии жены. Одна за другой ветшали и обрывались непрочные нитки, соединявшие супругов. Они оказались гораздо слабее тех красных шёлковых нитей, что прошнуровывали их брачный контракт. Рождение ребёнка могло бы всё изменить. Или нет?

Вечером, купив по дороге шампанского и пакет еды, Антон вернулся домой. Элла встретила его в кружевном халате, отороченном серебристым горностаем, безмятежная и благоухающая, только что из ванны. В ушах сверкали крупные бриллиантовые слёзы. Утомлённая перелётом Моника, спала в переносном собачьем гнёздышке, суча лапками и поскуливая во сне.

Накрыли на стол, Антон разлил по бокалам шампанское. Элла достала откуда-то витые свечи и ловко зажгла их тяжёлой зажигалкой в форме львиной головы. Сели друг напротив друга.

– Ну что, за встречу? – предложил Антон и одним глотком осушил запотевший бокал.

Шипящий напиток заморозил горло, зато в груди сразу потеплело.

Элла отпила немного и потянулась за клубникой. Осторожно двумя пальцами взяла самую крупную ягоду, придирчиво осмотрела со всех сторон и поднесла к губам.

– Антоша, я решилась, – торжественно возвестила она, – у нас будет ребёнок!

– Ты беременна?! – поперхнулся Антон, глаза его вспыхнули надеждой.

- Нет. Но у меня есть план, – Элла была невозмутима.
- Поделись, – вяло отозвался Рубин, отводя потускневший взгляд.
- Только ты не перебивай, ладно?
- Ладно, – Антон подлил себе ещё шампанского.
- Мы сделаем дополнение к контракту.

Рубин вопросительно посмотрел на жену.

– К нашему брачному контракту, – пояснила та. – Будет всего пять пунктов. Первый: у меня должна быть круглосуточная няня для ухода за ребёнком, с самого рождения. Второе: я не буду кормить грудью, искусственные смеси – это химия, поэтому нужна кормилица. Третье...

Антон слушал Эллу с расширенными глазами. Что такое она несёт? Этот монстр собирается стать матерью? Женщина с калькулятором в мозгу и глыбой льда вместо сердца – его жена? Да это кукла! Красивая говорящая кукла! Безупречная и дорогая.

– И, наконец, последнее, – продолжала кукла, – нашего ребёнка выносит и родит суррогатная мать. Я уже нашла надёжное агентство и оформила заявку. И даже успела просмотреть их базу данных. Вот, погляди, кого я отобрала, – Элла протянула Антону пачку анкет с фотографиями женщин.

– Элла, ты в своём уме? – охрипшим голосом произнёс он, пытаясь разглядеть в бирюзовом взгляде хоть крупицу сомнения.

– А что? Сейчас многие так делают!

– Делают те, кто не может родить сам! Но ты... ты совершенно здорова! Я тоже! Так в чём же проблема? – свирепел Рубин.

– Да ты просто меня не слушал! – завизжала Элла. – Я же тебе всё по-человечески объяснила. А ты пил шампанское и думал о своей чёртовой работе! – жена вскочила из-за стола, прекрасные черты исказились гневом. – А может, ты думал о ком-то ещё? Может, у тебя кто-то появился в этом твоём Верхнесранске?

Антон поморщился. Началось!

– Я поняла! – завопила жена. – Ты хочешь, чтобы я стала одной из тех обабившихся тёток, что вяжут носки да варят борщи. Запомни, этого не будет никогда!

– Я не заставляю тебя вязать носки, – попытался возразить Антон, – а борщ ты варить никогда не умела и вряд ли когда-нибудь научишься.

– Между прочим, – прошипела Элла, сузив глаза, – у меня кембриджский диплом и три языка. Тебе не кажется, что многовато для кухарки?

– Ты ещё забыла сказать, что у тебя папа – никелевый магнат!

На пол полетело блюдо с клубникой.

– Что-о-о? Да как ты смеешь! Мой отец дал тебе всё: работу, деньги, связи!

– И дочку-красавицу в придачу, да? – Антон не мог остановиться. – Или в нагрузку?

Элла залилась слезами.

– Я всё расскажу отцу, как ты надо мной издеваешься! – кричала она. – Посмотрим, как ты ему объяснишь, что не захотел ребёнка-а-а.

Рубин посмотрел на чужую, плачущую навзрыд холёную женщину с нескрываемым отвращением. Дальше продолжать не имело смысла. Он схватил пиджак, щёлкнул замком и вышел в тёплые апрельские сумерки.

...Смеркалось. На улицах Верхнедонска зажигались первые фонари. Рубин медленно брёл вдоль улицы Свободы, стараясь дышать как можно глубже. Сердце колотилось где-то у горла, и стоило немалых усилий вернуть его на прежнее место. Он ощущал себя узником. Опутанный параграфами контрактов, расписками и обещаниями, Антон совсем не походил на того парня, кем был пять лет назад. «Свобода есть осознанная необходимость», – повторял

про себя Рубин, но сейчас почему-то не осознавал причину, по которой должен был всё это терпеть. Раньше он думал: это даже хорошо, что они с женой живут порознь, расстояние поможет сохранить свежесть и остроту чувств. Он обманывал себя, убеждая, что как только появится ребёнок, Элла станет другой. Нет, она не изменится никогда. И ребёнка у них не будет. Сегодня он ощутил это с горькой неизбежностью.

Улицу Свободы пересёк бульвар Победы, Антон свернул направо. Проезжая часть была заполнена шуршащей лентой автомобилей, а вот тротуары – почти пусты. Вскоре дорога привела его в тихий и сумрачный Гоголевский сквер. Антон шагнул под сень старых лип, глубоко вдохнул весенний дурман и окончательно успокоился. Старые фонари освещали крохотную площадку возле заросшего сиренью памятника Гоголю. Кроме бронзового писателя на ней находился уличный актёр-кукольник. Рабочий день его давно закончился, и он собирался уже уходить, но, увидев Рубина, задержался. Антон порывлся в бумажнике, выудил оттуда пятисотрублевую купюру и положил в перевернутую фетровую шляпу.

Кукольник долго ковырялся в грубо сколоченном фанерном ящике, набитом ворохом марионеток, прежде чем нашёл то, что искал. Заиграла музыка. В ловких руках кукловода оказались двое – он и она. Она была в кокетливой оранжевой шляпке, из-под которой выбивались светлые локоны. Голубые стразы вместо глаз, и крохотная собачка под мышкой. Ба! Так это же Элла! Антон внимательно взгляделся в её партнёра по сцене и узнал в нём... себя – даже пиджак был таким же, как на нём сейчас – в мелкую синюю полоску. Приведённые в движение чуткими пальцами, куклы принялись разыгрывать спектакль, который закончился неправдашной кукольной ссорой. Рубин увидел точь-в-точь повторение сегодняшней безобразной сцены, даже клубничины размером с горох рассыпались по брусчатке, оставив алый след. Всё было настолько правдоподобно, что, казалось, кто-то невидимый снял скрытой камерой минувший вечер, чтобы потом подшутить над участниками скандала, заставить их задуматься о своём поведении. Но вот кукольная Элла передёрнула плечиком, развернулась и ушла, оставив игрушечного Антона одного. Поднялся ветер, загремел гром – таким реалистичным было звуковое сопровождение – и на плиты упали первые капли дождя. Кукольный двойник Антона поднял ворот пиджака и раскрыл зонт. И только теперь заметил идущую навстречу одинокую женщину. Большой Рубин прищурился, силясь разглядеть в игрушечной незнакомке знакомые черты, но так никого в ней и не узнал. Да и что можно разглядеть в марионетке размером с локоть? Каштановые волосы, грустные глаза и книжка в руке. Куклы встретились, посмотрели друг другу в глаза и вдруг осветились голубоватой вспышкой. Музыка взвилась ввысь и умолкла. Спектакль был окончен. Марионетки обмякли, превратившись в две опутанные лесками тряпичные кучки. Усталый кукольник поднял глаза и печально улыбнулся.

Антон стоял ошеломлённый. Рой вопросов метался в его голове, не находя выхода – уж слишком дико прозвучали бы они вслух. Он только и смог, что ударить несколько раз в ладоши и потрясённо произнести: «Браво! Ничего подобного никогда в жизни не видел».

Его аплодисменты поддержали нестройные хлопки, раздавшиеся из-за спины. Рубин обернулся и обнаружил поодаль ещё двух зрителей, стоящих в тени старой липы. Случайные прохожие, вероятно, слышали музыку, доносящуюся из парка, и решили заглянуть на огонек, а позже, замороженные уличным спектаклем, не могли оторваться, пока не дождались развязки. Два молодых человека одного роста были значительно моложе Антона и, судя по лицам, чувствовали себя гораздо более свободными, чем он. Один из них, одетый в чёрное, тряхнул смоляными кудрями и восхищённо присвистнул: «Мастерски сыграно!». Его светловолосый приятель в белом спросил: «Лаврик, а тебе не кажется, что в спектакле чего-то не хватает? Будто бы осталась лёгкая недосказанность?». Чёрный заразительно засмеялся: «Глебушка, а почему ты решил, что это конец?» – и хлопнул друга по плечу. Приятели прошли мимо Антона и растворились в темноте пустынного сквера. Фигура кукольника в нимбе жёлтых фонарей удалялась в сторону площади. Рубин зябко поёжился и рассеянно побрёл по сверкающей огнями улице.

Глава 6. Чернавский лес

Майский полдень дышал июльским зноем. Перцев и Тапочкин сидели на лавке залитого солнцем Гоголевского сквера, пили пиво и обсуждали завтрашний день. Затаившийся в зарослях сирени бронзовый писатель с интересом прислушивался к разговору друзей. Густой цветочный аромат недвижимым покрывалом висел над раскалённой брусчаткой.

– Ты уверен, что не хочешь поехать со мной? – спрашивал Перцев товарища.

– Знаешь, Андрюш, как-то не горю желанием, – отвечал Тапочкин, вспоминая недавнюю историю с разбитой камерой. – Да и прессуха у меня в три.

– Ну, как знаешь. Только не говори потом, что я тебя не звал!

Друзья допили пиво, хлопнули по рукам и разошлись в разные стороны.

На лавочку, где только что сидели приятели, опустился старик с дерматиновым портфелем в руках. Он снял с мясистого носа очки, протёр толстые линзы мятым клетчатым платком, водрузил их снова на переносицу и углубился в чтение бумаг. Пот градом катился по его шишковатому лбу, но лавочки в тени все до одной были заняты мамашами с детьми. Дома он работать не мог по причине духоты в кабинете – раз, строгой секретности дела – два, а главное – ввиду резкого отторжения его нынешней общественной деятельности со стороны дражайшей супруги. Григорий Васильевич Сидоренко спешил. Ему надо было как можно скорее завершить доклад о грозящем региону экологическом коллапсе. Контрольный экземпляр доклада Сидоренко собирался послать заказным письмом в Москву, на самый верх. Рубин не принял его на прошлой неделе, но профессор не терял надежды достучаться до него позже. Должен же быть способ! Профессора подстёгивал не только дефицит времени – до принятия решения о референдуме по чернавскому месторождению оставалось меньше месяца – но и его возраст, чинивший массу неудобств острому как бритва уму опального учёного. Лет семь назад профессор Сидоренко позволил себе открыто высказаться на тему интеграции наук и баланса узко научных интересов и общечеловеческих ценностей, за что был снят с должности заведующего кафедрой экологии и природопользования Верхнедонского университета и выпровожен на пенсию. Сейчас кафедрой заведовал его научный оппонент – Илья Вениаминович Эпштейн. И дело даже не в том, что, по мнению Сидоренко, геолог в нём давно и безвозвратно победил эколога, и не в том, что Эпштейн всегда ставил научные интересы превыше всего. Главную опасность составляло нежелание коллеги вести открытую дискуссию, а значит, идея экологического коллапса обречена на безвестность. Оставалось уповать на коллективную сознательность людей и интерес средств массовой информации. И Сидоренко уповал. Уповал и действовал.

Действовал и Перцев. Потому что тоже уповал. Уповал на щедрое вознаграждение со стороны руководства и – наконец-то! – обещанное продвижение по службе: сколько можно расти горизонтально, оттачивая и без того совершенный слог, изощрённый ум и блестящую логику бывалого журналиста-аналитика? Вернувшись в редакцию, Андрей основательно взрыл интернет, завалив Google запросами по никелю. Как-никак он теперь «адвокат»! Назавтра была намечена первая поездка в Чернавск.

Старенький Форд бодро урчал, переваливаясь по ухабам просёлочной дороги. Чернавский район начинался в ста сорока километрах от Верхнедонска, но Перцеву казалось, что уехал он за тридевять земель. Сначала он мчался по скоростной магистрали, построенной специально к олимпиаде, трёхрядной и гладкой, как стекло, в серпантине развязок, с двуязычными указателями по обеим сторонам. Шоссе почковалось съездами на второстепенные дороги, одна из которых, худо-бедно залатанная, вела в Чернавск. Путь в райцентр ветвился грунтовыми проездами, выщербленными бетонками к деревням и сёлам с архаичными и смешными названиями: «Гнилуша», «Вихляево», «Бирюки», «Чудские выселки». Навигатор, настроен-

ный на кратчайший маршрут, посоветовал Перцеву свернуть на одну из таких дорог, и теперь он ехал по грунтовке в окружении почётного караула из мачтовых сосен и вековых дубов. Андрей выключил радио и опустил стёкла – вместе с душистым ветром в салон ворвался лесной хор, сотканный из щебета, стрекотанья, жужжания, щёлканья, скрипа, журчания и шума листвы. Когда же он слышал такое последний раз? Перцев напряг память – после девятого класса, во время летних каникул, когда гостил у бабы Ани под Калугой. Они с мальчишками ходили на лесное озеро. Как называлось то село? Кажется, Агеево? Или Михеево? – не вспомнить. С тех пор он там ни разу не был. Не бывал он и в других деревнях, ни в лесах, ни в полях с лугами, ни дня не жил в маленьких городках, не ездил просто так по сельским дорогам (командировки и пикники в ближайшей лесополосе – не в счёт). Всё, что находилось за пределами Верхнедонска, представлялось Перцеву чужой враждебной территорией, terra incognita, на которой он ощущал себя временным гостем, вынужденным скитальцем, всегда чувствовал себя неуютно и старался как можно быстрее вернуться к цивилизации. Но сейчас, трясясь по лесным колдобинам, вдыхая запах хвои и мёда, неожиданно поймал себя на мысли, что возвращается в серую бревенчатую избу бабы Ани, а может быть – в своё детство, и это возвращение было терпким и чуть горьковатым как заваренный в котелке чабрец. Надо же, прошло восемнадцать лет, баба Аня давно умерла, дом продали, а звуки леса, оказывается, жили в его памяти все эти годы. Как причудливо устроена память...

Дорога круто свернула влево, лес расступился. В глаза брызнули солнечные блики, отражённые в зеркальной чешуе узкой как серп реки. Перцев съехал с колеи и заглушил мотор. Окружённая с двух сторон лесом, а с третьей речной дугой поляна сонно жмурилась в лучах полуденного солнца. Андрей нацепил солнечные очки и спустился к воде по петляющей среди зарослей чабреца тропинке. На рыжем песчаном берегу лежали двое мальчишек лет десяти-одиннадцати. Неподалёку валялись удочки. Увидев Перцева, они прыснули от смеха и стали шептаться. Потом уставились на незнакомца в упор, подставив лучам белёсые брови и облупившиеся веснушчатые носы.

– Далеко ли до Казачьего Стана? – спросил их Андрей, важно здороваясь с каждым за руку.

– Да нет, километра два отсюда, – ребята махнули в сторону пригорка и снова хихикнули: – А чего это вы не поехали по асфальту?

– А того не поехал, что так ближе! – подмигнул им Перцев. – И искупаться можно! Как водичка? – спросил он, расстёгивая рубашку.

– Хорошая! – хором ответили мальчишки и снова побежали к воде.

Перцев разулся, скинул одежду и осторожно ступил на сухую в колких травинках землю. Выбрал тихое место подальше от плещущихся на мелководе ребят и вошёл в реку. Подошвы ног ощутили ребристую как стиральная доска плотную поверхность песка, утрамбованного мелким речным прибоем. Андрей сделал несколько шагов и бросился с размаху в воду, вызвав у мальчишек очередной приступ смеха. Река обняла его тесно и крепко, сдавив грудь в ледяных объятиях. Перцев вырвался и поплыл на другой берег, крупными гребками рассекая слепящую речную гладь. Несмотря на скромную ширину русла, течение было стремительным, и бывшему второразряднику по плаванию Перцеву пришлось изрядно потрудиться, чтобы удержать нужную траекторию. Выбравшись на другой берег, Андрей издал победный клич, как делал это в детстве. Мальчишки весело замахали руками.

– Что за река-а-а? – крикнул Перцев с крутого обрыва, сложив ладони рупором.

– Чернавка-а-а! – прокричали в ответ мальчишки.

Эхо разбросало их звонкие голоса по всей поляне, а потом унесло и надёжно спрятало в чаще леса.

Было два часа дня, когда Перцев въехал в Казачий Стан. После бодрящего заплыва в Чернавке он чувствовал волчий аппетит и сейчас прикидывал в уме, ехать ли ему в райцентр на обед, а потом возвращаться обратно или перетерпеть голод, довольствуясь бутылкой воды и пакетом чипсов. Знакомство с местными казаками входило в план журналиста пунктом №1. Необходимо было втереться в доверие и разузнать, как долго те собираются воевать с геологами, какими способами и главное – ради чего. Постараться убедить их в бесперспективности их войны и прошупать возможность подкупа. Пока Перцев размышлял, докуривая сигарету у старого колодца, к нему подошёл загорелый, голый по пояс могучий как дуб казак с кудрявым чубом и строго спросил, кого он ищет. Пришлось показывать редакционное удостоверение и объяснять цель визита. Увидев слово «пресса», кудрявый атлант расцвёл в добродушной улыбке и вызвался проводить приезжего в дом атамана Черпака.

Двадцать минут спустя Перцев сидел в прохладной комнате за уставленным яствами столом и вёл неторопливую обеденную беседу с Семёном Никифоровичем.

– Это хорошо, что пресса обратила на нас внимание, – степенно проговорил атаман, подкладывая в тарелку гостя золотистого карася. – Значит, не зря старались.

– Э-э-э, Семён Никифорович, неужели вы, современный человек, боитесь прогрессивных технологий? – осторожно спросил гость, макая в соль перышко лука.

– А чего мне их бояться? – ответил Черпак. – Бойся не бойся, да только затея эта негожа, против земли она, против людей, на ней живущих. Пусть копают там, где нет никого: ни людей, ни зверья, ни лесов, ни чернозёма. Им что – места мало?

Помолчали.

– И что же, собираетесь воевать и дальше?

Атаман перестал жевать и подозрительно прищурился на журналиста.

– А вы, мил человек, случаем не уговаривать нас пришли? Не из тех ли вы засланных казачков, что порочат веру да сбивают людей с пути истинного?

– Да что вы, Семён Никифорович, Боже упаси вас сбивать! – открестился гость и переменял тему. – А что, давно ли в этих краях казаки живут?

– С Екатерининских времен и живут, – Черпак огладил закопчённую шею в белом вороте. – Земля наша не одно поколение добрых казаков вырастила. Мы её охраняем, как мать родную. Она нам и кормилица, и поилица, и защитница, как же нам её не беречь? Разве можем мы допустить, чтоб в её утробе копались? – атаман умолк, рассматривая узоры на заскорузлой ладони. – На Казачьем Круге так и порешили: будем стоять до конца!

Перцев понимающе кивнул головой.

– Учёные говорят, что можно и руду добывать, и землю сохранить. Наука ведь шагнула далеко вперёд, – зашёл он с другого бока.

– Наука, говорите? – усмехнулся хозяин, – знаем мы этих ваших учёных, приезжали к нам, людей собирали, лекции о никеле читали – да только подкупленные они!

– С чего вы взяли?

– Предложили мы одному – по фамилии Эйнштейн, что ли? Вы, говорим, приезжайте к нам жить, привозите детей своих, внуков! – тогда люди и поверят, что вреда никакого от никеля не будет. Он замялся, дескать, мы городские жители и к сельской жизни не привычны. Так мы ему и отвечаем: тогда и живите себе в городе, нас не трогайте!

– А если бы переехал, поверили бы?

– Привез бы внуков – поверил бы! Да только не будет этого никогда, – атаман задумался. – Правда, есть один учёный, которого не купишь. Наш земляк, родом из здешних мест. Светлая голова, но что важнее – чистая душа, неподкупная. С нами на пикеты ходит. Всё пытается на руководство их выйти, надеется, добрая душа, убедить словом.

Перцев оживился.

– А телефончик его дадите?

– Не обидите старика? – спросил сурово Черпак.

– Да что ж вы обо мне думаете, Семён Никифорович? – притворно огорчился Перцев. – Я приехал в деле разобраться, что к чему понять, помочь, если смогу. Охота была тащиться сюда на личном, между прочим, автотранспорте?!

– Ладно, ладно, не сердитесь, – смягчился атаман и достал из кармана телефон, – записывайте: Григорий Васильевич Сидоренко, – и продиктовал номер.

– Есть, – записал Перцев. – А кто ещё из местных может рассказать о Чернавске?

– Да каждый расскажет, кто здесь родился. Возьмите хоть директора заповедника Климова или нашего краеведа Парамонова – он смотрителем в музее работает. А хотите – поезжайте к лесничим, там один дед Тихон чего стоит – расскажет за пятерых. Старику восемьдесят шесть, а он до сих пор шук по пять кило удочкой тягает! Сносу нет этому деду, дай Бог ему здоровья!

– И вам, Семён Никифорович, крепкого здоровья и всех благ! – засобирился журналист. – Спасибо за угощение, и за помощь спасибо! Надеюсь, ещё свидимся.

– Так и напишите, – напутствовал на прощание атаман, – казаки чернавские будут стоять насмерть, а землю свою на поругание не отдадут!

Перцев вышел из дома атамана Черпака сытый, но расстроенный. По пункту №1 он потерпел полное фиаско: в доверие не втёрся, воевать не отговорил, ни о каком подкупе не могло быть и речи. «Ладно, – вздохнул Перцев, – так и запишем: атаман Черпак ни в свидетели, ни в присяжные не годится, будем искать других», – и двинулся на кордон «Олений», где жила династия лесничих Кузьминых.

Лес снова окружил дорогу, зажав машину в узкой расщелине между морщинистыми стволами. Упёрши в небо кроны, тревожно шумели дубы. Трепетали осины. Старые, потерявшие белизну берёзы громко вздыхали, жалуясь облакам. Солнечные лучи с трудом прорывались сквозь бархатную вязь ветвей, зажигая листву изумрудными и янтарными вспышками. Иногда в сплетении крон возникала прореха, и белый столб света закипал жизнью: мотыльки, жучки и бабочки порхали в нём, озаряя мрак трепетом разноцветных слюдяных крыльев. Прореха закрывалась, и лес снова погружался в задумчивый сумрак.

Кордон «Олений» представлял собой огороженную частоколом избу с пристройкой, конюшней и загоном для передержки диких животных. Двумя окнами изба глядела на солнечный хоровод молодых берёзок. Крыльцо выходило прямо на калитку, припертую изнутри поленом, калитка – на дорогу, по которой приехал Перцев. Журналиста, весело махая хвостом, обляяла дворняга с застенчивым карим взглядом. Вытирая фартуком руки, на порог вышла хозяйка.

– Мне бы деда Тихона повидать, – поздоровавшись, спросил Перцев, – извините, не знаю его отчества.

– Тихон Егорович на реке, – настороженно ответила женщина. – А вы кем будете?

Журналист представился, показал удостоверение. Из-за спины хозяйки вышел парень в выгоревшей ветровке с такими же, как у неё, глазами-смородинами и вопросительно уставился на гостя.

– Корреспондент из города, хочет поговорить с дедом, – пояснила мать.

– А что тут говорить? – нахмурился сын. – Тут уж всё сто раз говорено-переговорено, а толку нет. Вы опять за никель агитировать пришли?

– О чем тут до меня говорено-переговорено – не знаю, – уклончиво ответил журналист. – Мне поручили разобраться в проблеме – вот я и приехал. А уж будете вы мне помогать или нет – дело ваше.

Парень почесал в затылке и нехотя пригласил Перцева во двор. Усадил на скамейку, сел рядом. Они были ровесниками и ситуация располагала к тому, чтобы перейти на «ты». Видимо, о том же подумал и парень.

– Слушай, давай начистоту, – обратился он к Андрею, – если ты пришёл уговаривать деда поставить подпись, то даже и не думай. Ничего он подписывать не станет.

– Какую еще подпись? – не понял Перцев.

– Ну, как же! Приезжали тут, подсовывали бумажку типа «осуждаю противоправные действия в отношении геологов, готов выслушать аргументы учёных» и тому подобное.

– А кто подсовывал бумажку-то? – заинтересовался журналист.

– Да леший их знает кто! И не только деду, а и другим приносили.

Пока парни разговаривали, появился старик с удочками и поставил перед ними садок с двумя шуками: одна средних размеров, другая – пятнистая красавица под метр в длину лежала кольцом. Поймав восхищенный взгляд незнакомца, старик весело подмигнул:

– Ну что, желание загадывать будете?

– Хорошо бы! – ответил Перцев, здороваясь.

– Дед вернулся, – заулыбался внук.

– О чём толкуете, молодёжь? А ну, давайте-ка в избу, чай пить, – скомандовал дед Тихон, и все послушно отправились в дом.

Хозяйка выставила самовар, разложила чашки и блюда, принесла плошку мёда, земляничное варенье и горку калёных лесных орехов. Вскоре раздался духовитый запах трав: заварили майский сбор. Усадив мужчин пить чай, пошла на кухню чистить щук. А дед Тихон принялся плести свой стариковский рассказ под мерный стук чашек и нервное подмигивание диктофона.

– Лес – это, брат, особый мир. Живой он и всё понимает... Я с детства с ним неразлучен. Сначала мальчишкой с отцом ходил, думал тогда, что помогаю, но больше мешал. До войны это было. Отец мой на фронте погиб в 43-м, а брат его – дядя Ефрем, контуженный, без левой руки вернулся и четыре года управлялся с хозяйством. Я при нём помощником лесничего. В 49-м дядька помер, но успел кое-чему меня научить. Да... Лес – это, брат, особый мир... – покачал головой старик. – И вот – было мне чуть за двадцать – стал я лесничим.

Дед Тихон умолк, но никто не решался торопить его вопросами.

– Помню, в 50-х восстанавливали поголовье оленей. У меня тогда уже сын был – отец Егорки, – дед кивнул на внука. – Как-то принёс я ему, трёхлетнему, маленького оленёнка. Смотри – говорю – тебе ровесник зверёныш. А у того нога больная – подранил. И лечили мы его, и выхаживали вместе с сыном. Когда оленёнок поправился, пошли выпускать его в лес. А он не уходит. Уж и пугали его, и гнали, и кричали – нет и всё! Тогда сын обнял его за шею и говорит: «Иди, ищи свою маму, она ждёт тебя и очень скучает». И зверёныш словно понял слова мальчишки, покружился-покружился и поскакал в лес – только его и видели... Так-то. Живой он, и всё понимает...

Перцев глянул в окно на солнечную берёзовую россыпь и вдруг увидел среди тонких берестяных стволов глупого оленёнка. Тряхнул головой – видение рассеялось.

– А в 60-х пришли сюда геологи, – продолжал старик, – стали искать руду. Четверо их было. Жили здесь неподалёку, на поляне, в палатках. Бывало, брали меня проводником, я в лесу каждую тропку знал. Теперь уже память не та, да и лес с тех пор изменился, да и люди. Сейчас уже не зовут, всё больше приборам доверяют. Хотя и приборы могут ошибаться. Сколько раз бывало, что и компас из строя выйдет, и часы встанут... Лес – это, брат, особый мир. Живой он и всё понимает... – дед Тихон подлил из самовара кипятка. – Вот тогда и нашли здесь первый раз и медь, и никель. Но там наверху, – дед ткнул пальцем в потолок, – видать, поразмыслили и решили не рисковать: заповедник всё-таки, река, чернозём. Постановили, что руду добывать не будут, что природа и здоровье народа важнее. Вот как было в совет-

ское время! А сейчас?! Тьфу! – старик громко звякнул чашкой по блюдцу. – Ничего святого не осталось! Ради денег мать родную готовы продать, не то что землю!

Махнув рукой, сокрушённо поник головой. Внук молча положил руку на плечо деда.

– Тихон Егорович, – нарушил тишину Перцев, – а что же, геологи? выходит, зря работали? Долго ли они здесь пробыли?

– Три лета приезжали. Ребята хорошие были, здоровяки такие, весёлые, под гитару песни пели... Старшему около сорока пяти было, а младший – совсем пацан, лет двадцать, не больше. До сих пор поименно всех помню: Владимир, Пётр, Алексей и другой Алексей, – загибая пальцы, перечислил старик, – правда, двое из них пропали.

– Как пропали?

– Да так и пропали, – вздохнул старик, – не нашли тогда ни следа, ни зацепки какой. Как в воду канули! Места-то здесь блудные... Один, правда, Алексей младший, потом нашёлся: недели через три вышел сам в районе Бирюков. Но умом повредился, бедолага. Двадцать лет парню было! А второго так и не нашли... говорят, утоп. Да... Лес – это, брат, особый мир...

– А что же милиция? Расследование ведь проводилось?

– А как же! И следователи были, и милиционеры цепью лес проходили, и в газетах об этом писали. Да только если Лесная хозяйка решит кого забрать – так и заберёт, не спросив. И никакие цепи не помогут.

– Лесная хозяйка, говорите? – не поверил своим ушам журналист.

– Она самая. Вы думаете, люди хозяева земли? Нет, они гости на ней. А поступают с хозяйкой непочтительно. Разве приличные гости так себя ведут?

Перцев вдруг ощутил себя не журналистом, а собирателем народного фольклора. Но было любопытно, и он слушал, не выключая диктофона.

– Я и сам её видел, – продолжал дед Тихон, затуманивши взгляд, – недовольна она нынешними гостями-самозванцами, грозилась наказать.

Андрей вопросительно посмотрел на внука Егора, на хлопотавшую возле плиты мать, но не нашёл в их глазах ни тени усмешки, ни виноватого извинения, присутствующего обычно у родственников душевнобольных людей. Как будто всё, о чём говорил дед, не представлялось им чем-то странным. «Может, они все здесь чокнутые? – опасливо подумал журналист. – Надо быть поосторожней».

В избу вошёл ещё один мужчина, судя по возрасту и взгляду – отец Егора и сын деда Тихона, судя по грязным сапожищам и ружью за спиной – тоже лесничий. Хозяйка засуетилась вокруг мужа. А Перцев, поняв, что ничего существенного он уже не услышит, поспешил откланяться и покинул кордон «Олений» в смешанных чувствах изумления, раздражения и жалости. Они теснились в нём, сливаясь с глухой досадой на самого себя.

Чем дальше отъезжал он от Чернавска, тем меньше верил в реальность персонажей, с которыми ему пришлось сегодня говорить. Колоритный атаман с боевой шашкой на стене, выживший из ума старик-лесничий, его семья, ничуть не сомневающаяся в адекватности слов деда. Да... Надо признать: эта поездка не приблизила его не на йоту к выполнению поставленной Орешкиным задачи. И вместе с тем Перцев почему-то ощущал прожитый день как никогда полноценным, наполненным жизнью. Он был удовлетворён, если не сказать – счастлив оттого, что вырвался наконец из душного города, что искупался в речке, что надышался воздухом, отведал лесных и речных даров, что вспомнил в кои-то веки своё детство, что старый драндулет не подвёл его на лесных ухабах... Впервые в жизни он не чувствовал заперделье Верхнедонска враждебной территорией и по большому счёту был благодарен обстоятельствам, вынудившим его отравиться в чернавский лес. Это было ново, непривычно и тревожило провисшие ржавые струны перцевской души.

Глава 7. Странности нашего городка

Если бы Никита Мано мог только предположить, к каким счастливым последствиям приведёт случайное знакомство с зеленоглазой Ларисой в Центре эволюции человека, то, несомненно, постарался бы насколько возможно приблизить этот судьбоносный момент. Но момент приблизился к нему сам и развернулся веером фантастических событий, в центре которых оказался он – Никита. Какой там никель! Сногшибательные сюжеты из жизни Верхнедонска, представленные самым ярким и талантливым телерепортёром города, затмили прочие городские новости. Но всё по порядку.

В прошлый четверг около семи вечера Никита достал пахнущую сеном визитку и позвонил. Ответили не сразу. Каркающий мужской голос сообщил, что в данный момент Лариса принимает грязи, и попросил подождать на линии. Мано терпеливо прослушал в трубке шум ветра и подозрительное чавканье, а через пару минут раздался знакомый обволакивающий голос.

– Здравствуй, Никита, рада тебя слышать.

Мано немного растерялся: своего номера Ларисе он не оставлял, каркающему мужику не представлялся.

– Э-э-э, может, выпьем как-нибудь... по чашечке кофе? – стряхнув оцепенение, предложил Никита.

– Лучше чая! – перебила его Лариса. – Я угощу тебя чаем, который ты ни разу не пробовал. Приходи в субботу в кафе Центра эволюции, часикам к одиннадцати – там у меня встреча. Заодно поболтаем! Сможешь?

– Не вопрос, – согласился тележурналист. – А можно мне не одному прийти? – ему вдруг страшно захотелось похвастать перед Ниной Бобровой новым знакомством.

– Конечно, приводи с собой кого хочешь! – разрешила Лариса.

В урочный день, урочный час Никита и Нина прибыли в назначенное место. За укромным столиком кафе в окружении остролистных пальм сидела группа изысканно одетых женщин. Среди них были директриса мехового бутика Кривоносова, жена чиновника Трепакова Ирина и ещё пара-тройка знакомых по светским репортажам лиц. На столе перед ними красовался большой заварочный чайник, испускающий восхитительный аромат. Чашки были пусты. Женщины внимательно разглядывали карточки с абстрактными цветовыми пятнами. Вновь прибывшие присоединись к компании и стали вместе со всеми пялиться в странные картинки. За столом царил атмосфера тайного заговора.

– Это метафорические карты ассоциаций, – пояснила новичкам Лариса, – выбирайте ту, которая вам ближе. Она будет означать вашу подсознательную потребность, которую я помогу расшифровать и удовлетворить.

– Ну, допустим, эта, – Нина протянула карту, на которой было изображено нечто, напоминающее цветастую гриву льва.

– Ага, понятно, – мгновенно определила консультант по красоте, – ты нуждаешься в смене имиджа. В первую очередь это касается причёски.

Никита ехидно хмыкнул, припомнив их недавний разговор.

– Но ты настолько занята, – продолжала Болотова, – что просиживать ежедневно по три часа в кресле стилиста нет никакой возможности.

– Что правда – то правда, мужа-олигарха у меня нет, – притворно вздохнула Боброва, – приходится крутиться самой.

– Не беда, – отозвалась Лариса, – могу предложить революционное средство для волос. Достаточно раз в три дня использовать его для мытья головы, и твоим волосам будет задана программа изменений, в соответствии с которой причёска будет меняться по несколько раз в день без твоего участия.

– То есть как? – не поверила Нина.

– Всё просто. Я беру твой волосок, анализирую на специальном оборудовании, потом мы вместе определяем набор образов и задаём временные интервалы. Вся информация закладывается в волновую структуру эликсира. Нанотехнологии – и никаких чудес! – улыбнулась Лариса и тряхнула копной оливковых кудрей, красноречиво свидетельствующих об их возможностях.

Задетая повышенным вниманием в адрес Нины, клиентка поинтересовалась:

– Ларочка, а прошлые заказы можно уже получить? Или будем весь день обсуждать причёску Бобровой?

– Конечно же, дорогая! – Болотова поставила на стол перед Кривоносовой изящную плоскую коробку, обтянутую тёмно-зелёным атласом.

Директриса бутика нетерпеливо разодрала бант и сорвала крышку. В устланном бархатным мхом чреве мерцали пузатые баночки и толстостенные склянки без этикеток. Касаясь каждого точёным пальцем, Лариса перечисляла: для лица, для бюста, для шеи, для интимных зон... Кривоносова кивала, алчно поглядывая на банки со снадобьями.

– А у меня был специальный заказ! – подала голос полная дама с короткой стрижкой. Голос у неё был тихим, неуверенным и никак не вязался с её внушительной фактурой.

– Помню, Олечка, – обворожительно улыбнулась Болотова, – капли №6 – верно?

Дама смущённо кивнула. Лариса аккуратно извлекла из сумочки узкий пузырек с маслянистой жидкостью, цветом напоминавшей болотную жижу.

– Только носи осторожно, не взбалтывай, – предупредила она.

– Кто-нибудь объяснит мне, наконец, что здесь происходит? – патетически воздел руки Никита. – Какой бренд мы обсуждаем? Кто производитель косметики? Что за капли №6?

– Капли для чтения мыслей, – буднично пояснила Лариса, – радиус действия полтора-два метра. А производитель – компания «Дарина».

Мано нервно сглотнул слюну.

– А мне можно такие же? – он представил, какие горизонты могут открыться перед ним с применением этих чудо-капель.

– Можно! – легко согласилась Лариса, – только готовятся они небыстро и стоят недешево.

– Сколько?

– Год.

– Чего год? – не понял Мано. – Целый год готовятся?

– Год жизни – цена этого препарата.

Никита умолк.

Тут из-под пальмы раздались всхлипывания. Все повернулись к источнику звука. Возле кадки сидела жена главы департамента экологии и природопользования Трепакова – Ирина и прикладывала к глазам скомканную салфетку.

– Опять? – сочувственно спросила её Кривоносова.

Ирина кивнула, высморкалась и взяла себя в руки.

– Значит так, – твёрдо произнесла она, обращаясь к Ларисе, – микстура №3, два флакона. Я его, подлеца, выведу на чистую воду! Он мне во всём сознается!

– Микстура уже готова, – так же твёрдо ответила консультантка, – цену ты знаешь.

Никите вдруг показалось, что вместе со словом «знаешь» изо рта Ларисы вырвалось приглушенное змеиное шипение, и тонкая струйка ядовитого газа, как сигаретный дым, скользнула из уголков её безупречных губ.

С обворожительной улыбкой, как ни в чём не бывало, Болотова повернулась к Никите:

– Это микстура правды. Способствует спонтанной честности. Альтернатива детектору лжи.

Когда все заказы были розданы, а новые сформированы, компания приступила к самому приятному – чаепитию. Из-за пальмы неожиданно появился директор Центра Смирных и галантно поприветствовал женщин, приложившись к руке каждой. Усадили за стол и его.

Разлили по чашкам чай и, прежде чем пить, долго и жадно вдыхали острый аромат, не похожий ни на один из известных чаев. Даже такой завсегдатай чайных церемоний, как Смирных, не мог опознать в букете ни признаков белых улунов, ни дымных нот пуэра, ни хвойных сушонгов. Никита отпил большой глоток и задержал его во рту. Тысячи жгучих иголок впились в нёбо и язык, в голове ударил гонг, а по телу разлилось сладкое тягучее томление, сменившееся вскоре лёгкостью, почти невесомостью – так, что хотелось взмахнуть руками и взлететь! Послевкусие было горьковатым и отдавало речной тиной. Но новый глоток перебивал неприятный осадок и вновь ввергал в водоворот неведомых ощущений. По рукам и ногам пробежали щекочущие разряды. В области солнечного сплетения образовалась воронка, всасывающая в себя усталость и следы вчерашнего ночного веселья. Никита присмотрелся к соседкам по столику – женщины преобразились: спины их гибко изогнулись, тела налились упругостью, лица засияли, глаза подёрнулись колдовской поволокой. Прямо шабаш какой-то! Ещё один глоток, ещё и ещё... Воздух вокруг стал густеть, а силуэты, напротив, сделались зыбкими и прозрачными, и вот в какой-то момент Никите показалось, что все чаёвницы воспарили, отделившись от плюшевых подушек, оторвав от пола остро отточенные каблучки. Лариса, прикрыв глаза, висела над стулом. Блестящие скользкие локоны шевелились сами по себе, как бурые лесные медянки. Смирных бесследно исчез – Мано не заметил когда и как. На дне чайника оставалось несколько глотков, когда видения рассеялись.

Разом зазвонили мобильники, распахнулась парадная дверь, заиграло радио и городская жизнь, быстрая и пружинистая, заявила свои права на драгоценное время наших героинь. Они подхватили сумочки, спешно расцеловали друг друга в воздух возле щёк и распрощались до следующего чаепития.

Спустя несколько дней жителей Верхнедонска потрясли одна за другой две сенсации. Первая из них – чистосердечное признание чиновника Трепакова, сделанное им на ступенях обладминистрации за полчаса до заседания Общественного совета. В считанные часы оно разлетелось по всем информагентствам, газетам и телеканалам города, не только нанеся ощутимый урон репутации вышеозначенного чиновника, но и подняв рейтинги расторопных СМИ, успевших вовремя сверстать новость. Дело было так.

Олег Борисович Трепаков, глава департамента экологии и природопользования, во вторник, в половине девятого, как обычно шествовал на службу. Пройдя первые шесть из четырнадцати ступеней ведущих в покои губернской управы, он вдруг остановился как вкопанный и заговорил сам с собой: «А что ж я так спешу? До заседания ещё полчаса. Почему бы мне не поговорить с жителями Верхнедонска? Сколько можно прятаться в кабинетной тиши да за тонированными стёклами служебных машин?».

– Эй! – крикнул он зычно. – Уважаемые верхнедончане! Прошу внимания!

Несколько прохожих испуганно шарахнулись в сторону.

– Я, Олег Борисович Трепаков, не далее как вчера получил предложение, от которого не смог отказаться. А кто бы из вас отказался от виллы на берегу средиземного моря? – обратился он в пустоту. – То-то же!

Вокруг оратора стали собираться зеваки. Некоторые снимали чиновника на телефон.

– Взятка ли это? – спросите вы, и я отвечу: да! – злорадно воскликнул Трепаков, хотя никто его ни о чём не спрашивал. Собравшиеся, разинув рты, дивились разоблачительной откровенности солидного господина с дорогим портфелем.

– Вилла в Сан-Марино – это вам не трёхкомнатная квартира на Воробьёвке! – не унился Трепаков. – Можно и засунуть свою принципиальность куда подальше! Вот сюда! – чиновник развернулся и убедительно похлопал себя по толстому заду.

В толпе зашушукались, раздались предположения – «пьяный», «стресс», «сгорел на работе»... Появился первый фотограф. Аудитория прибывала.

– Всё равно я собирался уезжать, – доверительно сообщил Трепаков стоящей напротив старушке в вязаном берете. – Что мне делать в этой дыре? Денег я откачал достаточно, сбережения кое-какие, слава Богу, имеются.

Свидетельницей публичного приступа честности чиновника Трепакова стала оказавшаяся поблизости Нина Боброва. Сразу сообразив что к чему, она набрала номер Никиты: «Не знаю, где ты сейчас, – выпалила она скороговоркой, – но если через минуту не будешь у Красного дома, то лавры самого сенсационного репортёра Верхнедонска достанутся кому-то еще».

Вскоре запыхавшийся Никита вместе с оператором, расталкивая толпу, пробирались поближе к оратору.

– Никита Мано, телеканал «ЖЖЖ». Олег Борисович, расскажите подробнее о вашей вилле в Сан-Марино, – взял он с места в карьер.

– О! Вот и пресса! Тут как тут! – расцвёл Трепаков, и сразу переменялся в лице. – Как же я вас ненавижу! – он с отвращением сплюнул на ступеньку. – Но что делать – придётся отвечать, – и чиновник добросовестно перечислил количество этажей, комнат, метраж и высоту потолков, упомянул также о рыночной стоимости дома и наличии собственного причала.

– Назовите сумму ваших сбережений! – раздался очередной вопрос.

Трепаков честно обнародовал суммы депозитов во всех шести банках. И даже признался, что четыре вклада открыл втайне от жены.

– Знает ли семья о ваших планах?

– Детей поставлю в известность, когда надо будет, а Ирка – пусть катится ко всем чертям! Достала она меня за тридцать лет! Во как! – Трепаков полосонул себя ребром ладони по горлу.

– Когда вы планируете переехать в Испанию?

– Сразу после утверждения проекта Чернавского горно-обогатительного комбината.

Скрипнули тормоза, у ступеней обладминистрации остановились два тонированных автомобиля. Пятеро молодцев в штатском принялись вежливо рассеивать толпу. Лысый коротышка в льняной паре с печальными глазами и саквояжем в руке ласково обхватил Трепакова за талию и мягко увлёк внутрь здания. Тот не сопротивлялся, а лишь повторял потерянно: «А кто бы отказался? Вот вы бы отказались? Скажите честно!». Обладатель печальных глаз каждый раз отвечал: «Ну что вы?» – и продолжал бережно придерживать Трепакова за локоток, пока не доставил в его собственный кабинет и не усадил в вишнёвое кресло. Там коротышка раскрыл саквояж и принялся производить обычные медицинские формальности, предшествующие долгому и обстоятельному разговору с новым пациентом.

Не успел Никита смонтировать сюжет с признанием Трепакова и поставить его в сетку вечерних новостей, как позвонил директор Центра эволюции Смирных и взволнованно сообщил, что имеет эксклюзивное заявление. Обнародовать его он доверяет телеканалу «ЖЖЖ» и персонально Никите Мано. Дело не терпит отлагательств – явиться нужно завтра к десяти. Смирных дико хохотнул и добавил, понизив голос: «Это прорыв, переворачивающий нынешние представления о возможностях человека». Никита аж вспотел: после саморазоблачения областного чиновника трудно было представить себе новость, способную переплюнуть эту. Однако от приглашения не отказался.

В десять утра Мано был в приёмной Смирных. Знакомая секретарша с лисьим личиком, не отрываясь, смотрела на дверь кабинета расширенными от ужаса глазами. На вопрос,

на месте ли директор, лишь пожала плечами и уткнулась в чистый лист бумаги. Никита стукнул костяшками пальцев по косяку и отворил дверь. Виталий Смирных ждал съёмочную группу, замерев в торжественной позе. Директор был чисто выбрит и облачён в строгий, как у покойника, костюм. Белая рубашка, стянутая у горла полосатым галстуком, подпирала раздувшиеся от важности щёки. Сжатый в нитку рот был занят удержанием страшной тайны, рвущейся раньше времени наружу.

Но вот камеры настроили, микрофоны подключили. «Готово! Говорите!» – скомандовал Никита и кивнул оператору.

– Дамы и господа! Уважаемые жители и гости Верхнедонска! – начал Смирных сдавленным от волнения голосом, – в нашем Центре эволюции человека, хорошо известном как в городе, так и за его пределами, зафиксирован первый в истории случай телепортации – явления малоизученного, но перспективного с точки зрения управления пространством и временем.

Никита поддержал директора ободряющей улыбкой и поднятым вверх большим пальцем. Голос Смирных окреп.

– Напомню, что телепортация – это изменение местоположения объекта, при котором траектория его движения не может быть описана в принятой системе математических функций. Иначе говоря, это сверхбыстрое перемещение сквозь виртуальные коридоры в пространстве. Расположение и размер этих коридоров, равно как и время прохождения сквозь них, наукой до конца не исследованы, что не мешает наблюдать явление исчезновения объектов в одном месте и их появление в другом, удалённом от первого на десятки, сотни и тысячи метров, а иногда и сотни километров. Объектом телепортации может стать как неодушевленный предмет, так и живое существо, в том числе человек.

Директор окончательно раскрепостился и ослабил галстук.

– А теперь самое интересное! Ваш покорный слуга, – Смирных элегантно склонил голову и широко улыбнулся в камеру, – приступил к экспериментальной программе по освоению телепортации. Конечно, пока это спонтанные, неуправляемые случаи перемещения, но я уверен: это только начало. Наш Центр ориентирован на планомерное и всестороннее развитие человека, в том числе его сверхвозможностей, изначально заложенных природой в каждом из нас. Вот только несколько цифр, – Смирных придвинул к себе лист, – коэффициент интеллектуального развития после года регулярных тренировок в нашем Центре увеличивается в среднем на 55% у мужчин и почти на 70% у женщин. Скорость запоминания информации возрастает...

Раздалась помеха как при плохой радиосвязи. Фигура директора поблекла и лопнула, словно трухлявый дождевик, оставив после себя лёгкое бурое облачко. Камера всё ещё продолжала мигать, петличка микрофона покачивалась на столе, но кресло руководителя зияло пустотой. Директор бесследно исчез. Никита заглянул на всякий случай под стол – никого. Оператор стоял, отвесив нижнюю губу, и продолжал снимать пустое кресло, пока Никита не сказал раздражённо: «Стоп». «Дурацкая шутка», – подумал Мано и вышел в приёмную.

– Ничего не знаю, даже не спрашивайте! – замахала руками лисичка и выскочила в коридор.

Мано вышел в фойе, пугливо озираясь по сторонам, всё ещё в надежде увидеть злого шутника. В это время по лестнице со второго этажа спускался тренер по бесстрашию и креативности Михаил Бубен. К нему и обратился в смятении Никита. Из рассказа Бубена следовало, что началось это в прошлую субботу. В разгар тренинга, около полудня, он вдруг обнаружил директора, сидящим в заднем ряду его класса, в довольно помятом виде, словно тот прошёл сквозь строй митингующих. По лицу Смирных было заметно, что появление в стенах класса для него такая же неожиданность, как и для самого Бубена. Мало того – через день директор исчез надолго. Вернулся только к вечеру с лукошком грибов, утверждая, что был в чернавском лесу, хотя где именно и зачем ответить затруднился. Несмотря на странные исчезнове-

ния, бодрость духа Смирных не терял, а на планёрке объявил, что изучает на себе практику телепортации и намерен вскоре открыть специальную группу для освоения этого малоизученного явления. Большинство тренеров и сотрудников Центра горячо поддерживали идеи своего директора, поддержали и эту, причислив руководителя к плеяде блестящих и отважных первоиспытателей, таких как Луи Пастер и Никола Тесла.

После слов Бубена Никите не оставалось ничего другого, как свернуть съёмку и довольствоваться трёхминутной записью. Зато! – как же он сразу не сообразил? – зато у него в руках теперь была медиа-бомба – видеозапись исчезновения человека в процессе телепортации, а это, извините, похлеще чем приступ самобичевания проворовавшегося чиновника. Это тянет на мировую сенсацию!

С такими жизнеутверждающими мыслями Никита Мано покинул стены Центра эволюции человека, миновал припорошенную лепестками каштановую аллею и вернулся в студию, полный смелых прожектов и радужных планов на будущее.

Глава 8. Предупреждение профессора Сидоренко

Вернувшись из чернавского леса, Перцев первым делом разложил имеющуюся на руках фактуру по никелю на две стопки. В одной оказались официальные выкладки «Траст-Никеля», заключение с кафедры геологии и интервью академика Эпштейна, в котором тот говорит об отработке новых шахтных технологий и продвигает теорию комплексного освоения месторождений сульфидных руд, автором которой является. В другой стопке – расшифровка монолога Кузьмина, архивные материалы следствия полувековой давности о пропаже геологов и решение Чернавского Казачьего Круга. Отдельно лежала подшивка материалов СМИ за всё время существования месторождения, в особенности его новейшей истории, начатой с конфликта потенциального добытчика руды с местным населением. У Перцева не появилось ни одной зацепки, с помощью которой можно было бы начать переворот общественного сознания от резкого неприятия к благосклонной лояльности по отношению к компании «Траст-Никель». И атаман Черпак, и бывший лесничий Кузьмин пользовались среди чернавских жителей непрекаемым авторитетом и уважением. Лишь только журналист попытался сунуться к директору заповедника Климову с намёками о психическом состоянии старика, сразу же получил возмущённый отпор. Та же участь постигла его при попытке раскопать компромат на казачьего атамана. Журналисту ничего не оставалось делать, как прибегнуть к проверенному способу – использовать своё законное право интерпретации материала под видимым ему углом зрения, а затем постараться этот «угол» встроить в глаза читателей.

В понедельник на сайте информагентства «Край» появилась заметка под заголовком «Сказки деда Тихона». Двумя днями позже ещё одна – «Чернавские казаки грозят геологам физической расправой». Верхнедонск забурился. Страницу Перцева атаковали возмущённые верхнедончане и жители области. Экоактивисты забросали статью гневными комментариями, привешивая журналисту ярлыки «продажный писака», «лизоблюд заезжего олигарха». Пришло анонимное письмо от жителя Чернавска, в котором тот жаловался, что его и трёх его товарищей выгнали с работы за участие в антиникелевых митингах. От казаков посыпались угрозы расправиться с обнаглевшим журналистом. С ним одним, а не с геологами – так будет проще!

Перцев был удовлетворён. Отклик оказался бурным, тема зацепила людей. Он знал по опыту, что пена возмущения скоро уйдет, а ложь, повторённая сотню раз, рано или поздно становится правдой.

В поисках новых зацепок по никелевому делу Перцев добрался до контакта, который всё время откладывал. Григорий Васильевич Сидоренко – тот самый неподкупный учёный с добрым сердцем, что рвался на приём к Рубину. Андрей набрал его номер и услышал в трубке бодрый голос профессора. На предложение встретиться Сидоренко отреагировал благосклонно, но предупредил об условии: заблаговременное знакомство с материалом до его публикации. Перцев поморщился, но согласился. Договорились на пять вечера у фонтана в Гоголевском сквере.

Жара спала. Небо заволочло обрывками кучерявых облаков, и оттого оно казалось похожим на бескрайнюю отару тонкорунных барашков. В парке царило предвечернее затишье – как раз то, что надо для неторопливой «пристрелочной» беседы. Андрей рассчитывал в этот раз произвести положительное первое впечатление. Учёного нужно было расслабить и расположить к себе. Заодно присмотреться к нему. А уж потом, в следующую встречу копать глубже. Но всё получилось не так, как планировал Перцев.

Сидоренко пришёл на встречу с неразлучным дерматиновым портфелем, который выставил на самом видном месте – условились, что тот будет опознавательным знаком, по которому журналист узнает профессора. Но в этом не было необходимости: кроме Сидоренко у фонтана

сидели лишь две студентки с мороженым и старушка в берете. Журналист и эколог встретились.

– Интересный у вас портфель, – улыбнулся Перцев. – Сколько же ему лет?

– Всего на двадцать лет моложе меня самого, – учёный ласково погладил потрескавшиеся бока, – уже и капремонт прошёл, и клиническую смерть, и воскрешение!

– Наверное, много открытий и оригинальных идей выносил он в своём потрёпанном мудром чреве? – молвил проснувшийся в Перцеве поэт.

Сидоренко рассмеялся. Снял очки, потёр пальцами переносицу со следами дужки.

– Никак не ожидал услышать подобное от современного работника пера и диктофона!

– Ну почему же? Современные, как вы говорите, работники пера и диктофона не лишены романтики и даже где-то сентиментальны, – заметил журналист.

– Но вы-то меня пригласили не за тем, чтобы петь оды моему дряхлому приятелю, не так ли?

– Верно, – согласился Перцев. – Тема намного серьёзнее и масштабнее. Я хотел бы поговорить с вами о чернавском месторождении. Извините, если некоторые из моих вопросов покажутся вам примитивными или некорректными, я потому и обратился к эксперту высокого уровня, чтобы восполнить пробелы, простительные для моего гуманитарного образования.

Сидоренко склонил голову набок, давая понять, что по достоинству оценил вступительное слово собеседника.

– Итак, что бы вы хотели узнать, молодой человек?

– Всё. Абсолютно всё, – Перцев пристально посмотрел в выцветшие профессорские глаза, увеличенные вдвое толстыми линзами.

Профессор Сидоренко еле заметно кивнул.

– Давайте сразу назовем вещи своими именами: добыча медно-никелевой руды не может в принципе быть ни безвредной, ни безопасной. «Экологический рудник» – такая же утопия, как добрый злодей или мирная война! Речь идёт о большей или меньшей степени ущерба для экологии, о большей или меньшей скорости уничтожения природы. А в том, что она будет уничтожена, у меня нет ни малейших сомнений. Если подходить к вопросу с точки зрения инвестиционной выгоды, то да – разработка месторождений гораздо проще и прибыльнее, чем создание сложных инновационных проектов. Но не всё можно измерить в процентах и миллиардах рублей. Есть и другие системы исчислений. В каких, например, единицах измерить количество нерождённых детей, преждевременно оборвавшихся жизнью, исчезнувших видов животных и растений?

– Григорий Васильевич, – осторожно возразил Перцев, – но вот ваш оппонент – академик Эпштейн – считает, что применение новейшей технологии комплексного освоения недр даст возможность избежать многих печальных последствий.

– Я вам приведу простой пример. Когда разрабатывается новое лекарство, проходит не один десяток лет, прежде чем исследования от стадии опытов на мышах переходят к испытаниям на человеческом организме, да и то проводятся они исключительно среди добровольцев. Здесь же нам предлагают провести массовый эксперимент на целой экосистеме, внедрять новую технологию со всеми сопутствующими рисками, не спрашивая согласия у людей, а тем более у природы. Не кажется ли вам это странным?

– Но так ли уж велики риски? – усомнился журналист.

– Вы знаете, молодой человек, риски можно считать по-разному. Один способ – теория вероятностей: получится – не получится. Но пропасть нельзя перепрыгнуть на 99%. Или перепрыгнешь – или погибнешь. Другой способ – прогностический, с помощью метода математического моделирования, однако современный уровень научных знаний и разобщённость отдельных отраслей науки не позволяют включить в модель необходимое количество факторов, а значит, погрешность моделирования может перекрыть реальную картину опасности. И,

наконец, третий способ определения рисков – личностный. Вот вы лично готовы рискнуть? Сможете ли подписать контракт, в котором будет зафиксирована ваша готовность пожертвовать своим здоровьем, годами жизни, возможностью иметь детей в обмен на энную сумму денег? Каков должен быть процент риска и какова сумма компенсации, при которых вы подпишете такой документ?

Сидоренко умолк. Перцев задумался.

– Когда идут войны на чужих территориях, – продолжал профессор, – в военных действиях участвуют контрактники и призывники. Как вы думаете, кто из них рискует больше? С какими мыслями и чувствами идут они на риск? И на чем бы месте могли оказаться вы?

Перцев в армии не служил. Но вспомнил одноклассника Сашку Силина, воевавшего в Чечне, который вернулся без обеих ног – подорвался на mine. Наверняка, подписывая контракт, не думал, что так выйдет, что риск настолько велик. Возможно, в масштабах всей армии вероятность вернуться с войны инвалидом ничтожно мала, но для него лично умозрительная опасность стала фатальной.

– Давайте не будем о войне, – стряхнул воспоминания Перцев, – всё-таки мы с вами говорим о мирном освоении земных недр. Вы упомянули о разобщённости отраслей науки. Что вы имели в виду?

– В своё время я лишился должности заведующего кафедрой после того, как выступил на конференции с докладом о симбиозе наук. В результате моего демарша – так это назвали коллеги – кафедра лишилась финансирования, деньги ушли в Финляндию. Но я нисколько не сожалею об этом. Я и сейчас считаю, что на нынешней ступени развития цивилизации крайне важно, чтобы отдельные научные и технологические разработки не шли вразрез со здравым смыслом, с общечеловеческими ценностями. Да-да, я знаю, что говорю нетипичные для учёного вещи, – замахал руками Сидоренко, поймав изумлённый взгляд Перцева, – но поймите, молодой человек, иногда стоит отказаться от денег, от славы, от научных амбиций, наконец, во имя сохранения жизни.

– Позвольте, но какое отношение всё это имеет к разработке никеля?

– Самое прямое. Видите ли, Илья Вениаминович Эпштейн, мой преемник по кафедре и оппонент, многие годы жизни посвятил разработке технологии комплексного освоения сульфидных месторождений. Он пережил и развал академической науки, и роспуск лаборатории. Его проекты не раз закрывались из-за недостатка финансирования, а сам он был вынужден заниматься, чёрт знает чем. Время было такое. Но он не прекращал ни на минуту своих исследований. Это один из лучших учёных-геологов в стране – не могу этого не признать. И вот теперь, когда появились структуры, готовые щедро финансировать его исследования – а они вплотную подошли к этапу апробации и внедрения – он, как истинный учёный, с ликованием принимает сей подарок судьбы.

– И что же в этом плохого?

– А то, молодой человек, что звёздный час одного учёного может обернуться катастрофой для остальных людей. Академик Эпштейн чертовски целеустремлён и в этом фанатичном стремлении к цели зачастую не желает замечать того, что мешает к ней идти, а именно аргументов оппозиции. Когда я изъявил желание участвовать в работе Общественного совета – как вы знаете, академик Эпштейн его возглавляет – мне было в этом отказано.

– Вы полагаете, эксперты, входящие в Общественный совет, недостаточно компетентны?

– Вовсе нет, в их профессиональной компетенции я не сомневаюсь. Просто все они представляют лишь одну точку зрения, соответствующую доктрине академика Эпштейна. И, что печально, официальное заключение будет составляться исходя из такого вот однобокого взгляда на вещи. Целые пласты оценок экспертов в смежных научных областях не учтены в предварительной экспертизе проекта. В частности, проигнорировано заключение доктора гидрогеологии Чумака, без внимания осталось открытое обращение коллектива лаборатории

по экоконтролю, не учтено мнение геохимиков, почвоведов, эниологов. А между тем земля – это не только хранилище полезных ископаемых, которые нужно непременно оттуда извлечь. Это сложнейшая живая система, обладающая разумом и, вообразите себе, чувствами.

– Григорий Васильевич, вы можете представить конкретные факты в доказательство ваших слов?

– Этим, молодой человек, я и занимаюсь целый год, – Сидоренко вытащил из портфеля пухлую папку и передал её журналисту. – Здесь малая часть того, что у меня собрано, но, думаю, этого будет вполне достаточно, чтобы оценить масштабы катастрофы в случае разработки месторождения под Чернавском. И ещё. Мой вам совет, – профессор пристально посмотрел Перцеву в глаза, – если вы действительно хотите разобраться в проблеме, а не выполнить очередной хорошо оплаченный заказ – вы уж меня извините за прямоту – не показывайте до поры до времени документы, которые я вам передал, своему директору. Разберитесь сами.

Перцев принял из рук Сидоренко увесистое досье.

– Я свой век доживаю. Дети мои, внуки разлетелись кто куда. А вот вам, молодой человек, предстоит прожить долгую, яркую и, надеюсь, достойную жизнь. Вы, конечно, можете прожить её далеко за пределами Верхнедонска, вдали от рудников и рисков, но вопросы, которыми вы задаётесь сейчас, проблемы, с которыми сталкиваетесь сегодня, никуда не уйдут. От них не сбежишь, не спрячешься. Подумайте об этом.

Профессор Сидоренко поднялся, огладил рукой похудевшие бока портфеля и попрощался с журналистом Перцевым, оставив того у фонтана наедине с пухлой папкой.

Глава 9. Расщепление сознания

Новый понедельник, серый и тяжёлый, как чугунная плита, навалился на Рубина всем весом накопившихся проблем. Проводив Эллу после недели истерик и затяжных игр в молчанку, Антон почувствовал лишь кратковременное облегчение. Да, теперь он мог спокойно возвращаться домой, не рискуя нарваться на немой упрёк в глазах жены или черепки разбитой посуды, но возвращаться туда ему было всё труднее и труднее. Его кабинет, пахнувший кожей и дорогими сигарами, тоже не представлялся больше той тихой гаванью, где можно укрыться от житейских бурь, заслонившись от них щитом важных дел и забот. Новый понедельник, серый и тяжёлый как чугунная плита, был очередным рабочим отрезком времени, которыми измерялась жизнь Антона.

Утверждённый им план Орешкина давал свои первые результаты. Идея борьбы с «никелевыми суевериями» отразилась в ироничной статье некоего Перцева, вызвавшей широкий общественный резонанс. Конечно, далеко не все комментарии поддерживали точку зрения автора, но их количество превзошло все ожидания. Кроме того в Чернавск была направлена группа учёных Верхнедонского университета во главе с академиком Эпштейном с лекциями о стратегическом значении никеля и современных способах его добычи. Рубин платил им из созданного по его инициативе фонда просвещения. По совету Орешкина компания участвовала в празднование Дня района: за ее счет на главной площади Чернавска был накрыт стол. Глава администрации Тупикин вместе с Семёновым сообщали почётных жителей. Рубину доложили, что некоторые из них от подарков отказались. Бывший лесничий Кузьмин попытался что-то сказать в микрофон, но ему не дали. Большинство же рядовых чернавцев ели и пили за милую душу, из чего Орешкин заключил, что первый шаг в налаживании отношений с местным населением сделан. По-прежнему серьёзную помеху представляли казаки, игнорировавшие уличный фуршет. Они с маниакальным упорством продолжали пикетирование лагеря геологов, требовали разрешения на доразведку, так что пришлось обнести лагерь забором и нанять частную охрану, а это были дополнительные расходы, раздувшие и без того объёмную смету.

Неожиданно зазвучал рингтон видеосвязи: звонил президент компании. Звонок во внеурочное время – такое случалось крайне редко, видимо, что-то срочное. На экране возникло хмурое землистое лицо Новикова. Справившись у тестя о здоровье, Антон услышал в ответ:

– Ты бы лучше о своём здоровье побеспокоился!

– В чём дело, Вадим Петрович?

– Это я тебя хотел спросить: в чём дело?! К жене за неделю ни разу не притронулся – это как понимать? А она, между прочим, специально прилетела, соскучилась!

– Давайте не будем об этом, – попросил Антон, скривившись как от зубной боли.

– Ладно, не будем, – тесть шумно отхлебнул из стакана глоток воды, – рассказывай, что там у тебя с казаками?

– Всё под контролем.

– Какой, к чёрту, контроль?! Думаешь, я не знаю, что бульдозер опять сломали? – голос Новикова звенел яростью. – Не можешь договориться – подкупай, не можешь подкупить – угрожай! Запугивай, заводи уголовные дела – делай что хочешь! Но чтобы я больше не слышал ни о каком протесте! Ты меня понял?

– Да, – выдавил из себя Антон.

– И последнее. Будь любезен погасить перерасход за последние два квартала. Иначе ты заставишь меня усомниться в твоей профессиональной компетентности. У меня всё.

Разъярённое лицо Новикова исчезло с экрана. Рубин откинулся в кресле и прикрыл глаза.

После разговора с тестем чугунная плита удвоила вес. Антон усилием воли попытался сдвинуть её в сторону: пропустил по рукам и ногам шипучую насыщенную серебристыми пузырьками жидкость, расслабил лицо, обратил внутренний взор в точку между бровями так, что она зажглась огнём. Глубоко вздохнул и только теперь услышал едва уловимый запах акации, доносящийся из открытого окна.

Его медитацию прервал стук в дверь. В кабинет протиснулась пресс-секретарь Дёгтева с пачкой конвертов в руках.

– Антон Михайлович, давайте всё-таки посмотрим приглашения – напористо попросила она, потрясая перед ним пёстрой кипой, – вы уже вторую неделю откладываете. Между прочим, интерес делового и светского сообщества нельзя игнорировать.

– Садитесь, – вяло предложил Рубин.

Алина грациозно пристроилась на краешек стула и разложила веером приглашения.

– В эту пятницу – юбилей «Штучки»!

– Не понял – чего штучки?

– Ну, это самый престижный журнал Верхнедонска – называется «Штучка». У них послезавтра юбилей. В «Шиншилле». Приглашение на два лица, подписано лично Бобровой, – Алина положила на стол глянцевый фолиант, с любопытством ожидая реакции Рубина.

– Дальше, – равнодушно произнёс директор, отодвинув фолиант в сторону.

Дёгтева стала перечислять: собрание региональной Ассоциации инвесторов, открытие банка «Золотой телец», презентация гольф-клуба, тест-драйв, дегустация виски в клубе «Пегас», премьера в Гоголевском Театре, лекция в Центре эволюции человека...

– Довольно, – прервал её Рубин, – можете раздать приглашения сотрудникам. Я никуда не пойду.

– Да вы что?! – испугалась Алина, – так нельзя! Даже в плане Орешкина написано: «Важной составляющей укрепления репутации компании является вовлечённость его руководства в деловую и общественную жизнь города и области».

Рубин вздохнул:

– Ладно, назовите мероприятие, по-вашему, наиболее значимое.

– Разумеется, юбилей «Штучки»! – не задумываясь, выпалила Алина.

– Вы уверены?

– На 100%! Там будут очень влиятельные персоны, которых журналисты облизывают со всех сторон. Попав в их компанию, вы автоматически станете одним из них и больше никогда не прочтёте строк с критикой в адрес вашего характера или решений.

– Штучка так штучка, – равнодушно согласился Рубин, – только напомните мне накануне. Да, и придумайте сами подарок.

– Там приглашение на два лица – можно я с вами пойду? – вспыхнула Дёгтева.

Рубин поднял на неё удивлённый взгляд.

– Хорошо, Алина. Да хоть по всем приглашениям идите, я не возражаю.

Дёгтева сгрела кипу открыток со стола и выскочила вон из кабинета.

В то время как Алина Дёгтева в заботах о репутации компании уговаривала Рубина пойти на юбилей «Штучки», Андрей Перцев третьи сутки корпел над изучением пухлой папки Сидоренко. И чем глубже погружался журналист в документы, тем больший разлад воцарялся в его бедной голове. Нет, напрасно он согласился взяться за это дело, лучше бы, как и прежде, клеймил позором рыбозаводы, торгующие просроченными консервами, да ковырялся в вялотекущих судебных разбирательствах. И деньги стабильные, и голова не пухнет от объёма противоречивой информации. Перцев стал ориентироваться в сложной терминологии, его не пугали больше слова «интрузии», «сульфидные руды», «флотация», «окатыши», «хвосты обогаще-

ния». Он разобрался в стадиях горно-обогатительного процесса не хуже выпускника геофака и отличал технологию обжига от методов гидрометаллургии, но легче ему от этого не стало. Стало труднее. И прежде всего потому, что мало-помалу перед ним начала вырисовываться общая картина, о которой говорил опальный профессор. Перцев был уже не рад, что забрал у него его потрёпанную папку, что узнал из неё о залегании над рудными телами опасных рас-солов, о наличии в руде токсических веществ, не упомянутых в официальной документации, об ошибках в экономических прогнозах и отсутствии радиологической экспертизы. Закрыв последнюю страницу, журналист крепко задумался. После усердного часового размышления он решил поделиться своими сомнениями с Орешкиным, следуя при этом рекомендации Сидоренко относительно неприкосновенности вверенной ему папки.

Журналист застал директора в кабинете оживлённым и радостно потирающим руки, что происходило с ним в двух случаях: либо он только что получил очередной задаток, либо про-вернул удачное дело, сулящее скорую выплату круглой суммы.

– Ну, никелевый адвокат, – Орешкин стрельнул золотоносным взглядом в Перцева, – рассказывай, как продвигается твоя защита?

– Фактура собирается, встречаются любопытные вещи, – промямлил журналист, – но не всё так просто, как кажется на первый взгляд.

– А кто говорил, что будет просто? – парировал директор. – Простые задачи мы ставим перед студентами-практикантами, а профессионалы вроде тебя должны вскапывать масштаб-ные проекты – разве не так?

Что-то в рассеянном облике Перцева не понравилось Орешкину. Он мягко, как барс, пересел с директорского кресла на стул напротив и впился немигающими янтарными глазами в лицо подчинённого.

– Давай выкладывай, что у тебя за проблемы?

– Да нет особо никаких проблем... – начал было Перцев, да спохватился: – «а чего тогда пришёл, дурак?» – и выложил Орешкину всё как на духу. И про встречу с Сидоренко рассказал, и про казачьи дозоры, и про письма чернавцев, и про заключения экспертов, нигде до сих пор не опубликованные. Даже первую поездку в Чернавск описал в подробностях, без утайки, и глупо заулыбался, вспоминая своё купание в Чернавке.

– Всё ясно, – подытожил Орешкин, – нанюхался лютиков-цветочков, прочистил ауру и перековался из жёсткого профи в сентиментальную тряпку, гринписовец хренов!

Перцев попытался было возразить, но директор остановил его властной рукой.

– Ты что думаешь, я позволю тебе разрушить то, что я создавал годами? Ты забыл, как я отмазывал тебя от ментов, как выгораживал перед людьми, когда ты лез, куда не надо, со своей журналистской дотошностью? Сколько раз я закрывал глаза на твои пьянки? Нет уж, дружок, взялся за гуж – не говори, что не дюж!

Журналист сидел, понунив голову. Всё, о чём говорил директор, было чистой правдой. Орешкин вскочил со стула и заходил туда-сюда по кабинету.

– А почему ты так уверен, что твой Сидоренко не подкуплен? – предположил он, нависая над Перцевым. – Кроме «Траст-Никеля» в конкурсе участвовали две крупные компании, которые вполне могли себе позволить насолить более удачливому конкуренту. И потом, твой Сидоренко – аутсайдер, его выгнали с кафедры. Думаешь, он не завидует сейчас Эпштейну, ставшему, между прочим, академиком? Что ты на это скажешь?

Перцев вспомнил дерматиновый портфель Сидоренко, толстые линзы в роговой оправе и усомнился в словах Орешкина. Видя колебания сотрудника, директор смягчился:

– Андрей, ну не мне тебе напоминать: люди продажны по своей натуре. Вопрос исключи-тельно в цене, ну и таланте покупателя, разумеется. Ты же знаешь о недавнем скандале с «Зелё-ными братьями», обвинёнными в преднамеренном убийстве котиков. Да что далеко за приме-

ром ходить – вспомни хоть наш «Сладкий дом»! Или взять недавнее разоблачение Трепакова – непонятно только, что ему стукнуло в голову так подставиться?

Журналист молчал.

– Тебе нужно больше общаться с работниками «Траст-Никеля», – переменял подход Орешкин. – Ты разговаривал с Семёновым? Он тебе расскажет и о твоих правдолюбцах-казаках, и о побоях, и о пятнадцатимиллионном ущербе после погрома.

Перцев кивнул.

– И с академиком Эпштейном побеседуй – уважаемый человек, титулованный донельзя.

– Уже беседовал.

– И что же, не убедил тебя академик?

– С точки зрения учёного-геолога он абсолютно прав!

– А какая тебе ещё нужна точка зрения? – изумился Орешкин.

– Ну, например, эксперта по геопатогенным зонам. Известно же, что в районе Чернавска расположена одна из крупнейших в мире аномалий, – Перцев оживился. – В земной коре есть древний тектонический разлом, который формирует сложный, не до конца изученный биоэнергетический ландшафт чернавского леса. И если хрупкое равновесие будет нарушено...

– Эка тебя, брат, занесло! Сам-то слышишь, что говоришь? Мухоморов что ли объелся? Прямо как подменили – «Сказки деда Тихона» не ты ли писал?

«Что это я, правда? Что на меня нашло?» – устыдился журналист.

– Ладно, будем считать сегодняшний разговор проявлением твоей усталости, – миролюбиво предложил Орешкин. – Вот тебе материальная помощь, – он вытащил из верхнего ящика стола конверт и подвинул его Перцеву, – и отдохни маленько – пару дней, думаю, будет вполне достаточно.

Журналист тяжело поднялся со стула, привычным жестом сунул конверт во внутренний карман и пошёл к двери.

– И вот что, – окликнул его директор у порога, – концентрируйся на главном, держи в уме свою задачу и помни, что за ней стоит.

Перцев бесшумно прикрыл за собой дверь.

Вышел на улицу, сел в машину и долго глядел сквозь усеянное сбитыми мотыльками стекло на пасмурный город. «Напиться что ли?» – подумал Андрей. Но тут же сам себе напомнил: «А кто зарок давал кроме пива – ни-ни? Тварь я дрожащая или право имею?». Он вытащил из внутреннего кармана конверт и взвесил в руке его успокоительную тяжесть. Завёл мотор и решил немного прокатиться по городу. Проехал по бульвару Победы, равнодушно взирая на суматошные, полные туристов центральные улицы. Гости Верхнедонска без усталости селились на фоне знакомых до боли памятников и видов. Машина свернула на улицу Свободы: вокруг дороги выросли небоскрёбы, гигантские термитники офисных центров, стеклянные башни торговых храмов, увенчанные шпилями антенн. Ажурная стрела городской телевышки маячила чуть левее, изо всех сил стараясь походить на Эйфелеву башню.

...Стемнело. Автомобильные пробки рассосались. В окнах домов один за другим зажигались огни. Растрёпанные мысли Перцева несколько упорядочились и потекли по двум отдельным руслам, то сплетаясь между собой, то снова разбегаясь врозь. Андрею даже показалось, что он слышит их журчание, но это был всего лишь звук Гоголевского фонтана, мимо которого он сейчас проезжал. Фонтан автоматически вызвал в памяти образ профессора Сидоренко в толстых очках с драным портфелем. «Неудачник, лузер» – эти определения вполне вязались с его нелепым обликом. То ли дело академик Эпштейн – высокий, статный, с благородной сединой в опрятной бородке и солидным портфелем марки «Эгоист». Копают глубоко, как шахту роет. Не растекается мыслью по древу, не распыляется на посторонние проблемы. Перцев начал рассуждать вслух:

– Настоящим учёным по праву может считаться лишь тот, кто концентрируется на теме, глубоко погружается в суть изучаемого предмета. Если ты геолог, нечего отвлекаться на высокие материи вроде нравственности. Для этого есть специально обученные люди – философы и душеведы, которые получают за это деньги. Истина рождается в фокусировке, в узкой специализации.

– А как же широта взгляда? – возразил себе изменившимся тоном Перцев. – Ведь именно вовлечение в орбиту внимания смежных областей дало миру целые отрасли современной науки: геновая инженерия, биотехнология, этнопсихология. Недаром ведь говорят: «расширь угол зрения», «взгляни шире». Лишь охватив проблему со всех сторон можно правильно её решить. Глядя в микроскоп, трудно рассмотреть красоту леса. Уткнувшись в телескоп, не увидишь звёздного неба.

Перцев уже давно прекратил говорить вслух, но мысли его чётко и ясно звучали в замкнутом пространстве скользящего по шоссе автомобиля, меняя голоса и интонации.

– Понятно, что любой эксперимент сопряжён с риском, а каждый учёный, впрочем, как и любой человек, не застрахован от ошибки. В конце концов, победителей не судят, – уверенно изрек баритон.

– Да, но степень риска, цена ошибки может быть слишком высока, – возразил ему мягкий тенор. – Можно рисковать собой сколько угодно, но ставить на кон жизни других людей не имеет права не один гений. И не только гений – такого права нет ни у кого из смертных.

Заморосил мелкий дождик, Перцев включил дворники – лобовое стекло расчистилось. Ему вдруг вспомнился чернавский лес, настоящий на чабреце воздух, серебристая чешуя реки.

– Интересно, а в Чернавске идёт дождь? – тут же озвучил его воспоминания голос. – Что делается сейчас в Казачьем Стане? Ловил ли дед Тихон сегодня шук? Мальчишки, наверное, снова весь день не вылезали из воды? – Перцеву показалось, его мысль чуть слышно вздохнула. – Так ли уж неправы те люди, отстаивающие своё право *так* жить, защищающие возможность *так* жить для себя и своих потомков? – подумал он вслух.

– А с чего ты взял, что они не смогут продолжать жить как живут? – возразил сам себе Перцев. – Ещё и дороги нормальные построят, и детские сады, и кинотеатр. И заработать дадут.

– Да уж! Только кто будет ходить в эти детские сады и кинотеатры? Будет ли кому?

– Ну, знаешь ли, тебя назначили адвокатом, а не прокурором никеля! – посторонним голосом напомнил себе Перцев. – И адвокатом, заметь, высокооплачиваемым! Так что будь добр защищать проект. Хватит нюни распускать!

– Но ты ещё и житель Верхнедонска! – проронил Андрей. – И ты знаешь теперь слишком много, чтобы верить в невиновность подзащитного. Прежде всего ты обязан защитить свою землю от надвигающейся катастрофы.

– Тряпка! Правильно сказал шеф, – разозлился баритон, – никогда тебе не стать таким как он: целеустремлённым, хватким, решительным. И денег тебе не видать, как своих ушей, потому что ты – размазня!

– Не размазня, а человек! – решительно возразил тенор. – Пусть слабый, сомневающийся, несовершенный, но человек! Я – человек! – воскликнул мысленно Перцев. Получилось громко.

– Размазня!

– Человек!

– Размазня!

– Человек!

– Стоп! – крикнули оба голоса разом.

Перцев ударил по тормозам. Машина, взвизгнув, встала как вкопанная. Андрей окаменел: в зеркало заднего вида на него уставились две пары глаз.

– Ну, ты даёшь! – присвистнул один из пассажиров – красавец со смоляными кудрями. – А что – мне нравится такой стиль вождения! – и протянул Перцеву купюру. – Сдачи не надо!

Журналисту показалось, он где-то его уже видел. Ну да, конечно! – это же сосед Тапочкина, что спрашивал пустой конверт. Только вместо шёлкового халата – чёрная куртка, закрывающая подбородок. Второй пассажир, белокурый и голубоглазый, с намотанным на шею молочным шарфом, наклонился к уху ошалевшего журналиста:

– Не волнуйтесь, Андрей! Вы верно о чём-то задумались и пропустили нечаянно нашу остановку. Ничего страшного, – мягко проговорил он, – всего вам доброго! – и вылез вслед за любителем быстрой езды в сгустившиеся сумерки.

Глава 10. Дело было в «Шиншилле»

К юбилею любимого детища Нина готовилась основательно. Шила платье, составляла список гостей, готовила речи. Даже чаепитие в Центре эволюции человека, на которое пригласил её Никита, пришлось как нельзя кстати: там она познакомилась с Ларисой Болотовой. Несмотря на сомнительность продвигаемого ею бренда, эффект от применения бальзама для волос был потрясающим. Вот уже шестой день Нина на глазах у всех меняла причёски, цвет и длину волос, не выходя из-за рабочего стола, не отрываясь от редакционного процесса, шопинга или ночного отдыха. Сотрудницы тарасили глаза и судачили меж собой, смешивая в горячем шепоте восторг и зависть. Клиенты требовали подробных объяснений, но Нина лишь загадочно улыбалась и отвечала: «Потом! Всё потом». Первой в городе Боброва воспользовалась новейшими достижениями нанотехнологий, недоступными пока для рядовых верхнедончанок – и это было её заслуженным правом. В канун юбилея Нине хотелось не только произвести впечатление, но и утвердить реноме законодательницы стиля, носительницы всего самого лучшего, сверхнового и совершенного в области красивой жизни. Она договорилась с Болотовой об эксклюзивном праве представлять новую косметику на страницах «Штучки» – пусть Звягинцева умрёт от зависти! И даже сумела выторговать небольшую дольку с продаж нанонадобий. В её красивой головке уже зародилась и зрела дерзкая идея стать лицом малоизвестной пока марки «Дарина» и вывести её на мировой уровень. Все сенсационные новости и сюрпризы предусмотрительная Нина решила приурочить к юбилею журнала. По её замыслу банкет в «Шиншилле» должен стать эпохальным событием светской жизни – и она планомерно шла к этой цели.

Первым шагом к триумфу было ее участие в телевизионной программе «Бомонд». Ровно в десять Боброва сидела в гримёрной телестудии «ЖЖЖ», по размеру зеркал и яркости люстр соперничавшей с буфетом Гоголевского театра. Нина ждала, когда бледная девица с морковными губами напудрит ей скулы. Мягкая кисточка щекотала щёки, мешая сосредоточиться на вступительном слове. В конце концов Нина прогнала малокровную гримёршу и решительно шагнула под слепящий душ софитов. Мано в модных, похожих на разношенное трико брюках, с пестрым хохолком на голове бурно приветствовал гостью.

– Дорогие верхнедончане! – обратилась Нина к телезрителям. – Десять лет назад, когда я готовила к выпуску первый номер журнала «Штучка», я не отдавала себе отчёта, что ждёт меня впереди, чем закончится моя идея сделать жизнь города красивее. И теперь, по прошествии десяти лет, я поняла: это лучшее, что могло произойти со мной в жизни! За эти годы изменился Верхнедонск, и мы менялись вместе с городом. Менялся дизайн и контент, менялись лица и мода, типографии и бюджеты. Но неизменным было одно: мы оставались и остаемся лучшими! Поставив себе очень высокую планку, мы год от года её успешно преодолевали и ставили её всё выше и выше. Нам подражали, нас ругали, нам завидовали, но всё это лишь подстёгивало нас к дальнейшему развитию. И сегодня, когда «Штучка» отмечает свой первый юбилей, мне хотелось бы поблагодарить всех читателей, рекламодателей и партнёров за то, что все эти годы вы были вместе с нами.

– Спасибо и вам, Нина, за то, что подарили Верхнедонску образец для подражания, идеал красоты, роскоши, комфорта и успеха в лице журнала «Штучка»! – приторно отозвался Никита. – Разрешите мне от имени всех читателей преподнести вам этот великолепный букет от бутика флористики «Розалина»!

В студию внесли громадную корзину роз, витиевато украшенную ковylём и блестящими бантами. Пока говорила Нина, да отвечал ведущий, да ставили цветочную корзину, да славословили спонсоров, волосы на голове гостьи отрасли, медно-каштановые кудри развилась, превратившись в иссиня-чёрный каскад гладкого шёлка. Операторская бригада недо-

умённо переглянулась, гримёрша выронила из рук кисточку. Только Никита ничуть не удивился: за минувшую неделю ему пришлось видеть и не такое!

Дальше последовали вопросы телезрителей и парадные ответы юбилярши. Есть ли смысл их здесь пересказывать? Так ли интересно знать, о чём спрашивали Нину Боброву более или менее успешные верхнедонские обыватели, соплеменники по красивой жизни? Пожалуй, не буду злоупотреблять вниманием читателей. Тем более что исчерпывающий ответ легко найти, открыв наугад любой юбилейный номер любого глянцевого журнала в любом городе страны с населением от полумиллиона человек. Там на лощёных страницах, полных фотографий красивых людей и вещей, вы встретите одни и те же марки, бренды и тренды, советы и рекомендации, размноженные впечатления и клонированные мысли, так что трудно будет потом вспомнить город, год, название журнала и имя юбиляра. Поэтому не станем тратить на это ни время, ни бумагу. А лучше перенесёмся в «Шиншиллу», где полным ходом идут приготовления к вечернему торжеству.

Ресторан «Шиншилла» знал каждый верхнедончанин, но далеко не каждый обедал здесь хотя бы раз в жизни. Ежедневно мимо его затенённых витрин проходили сотни прохожих, и лишь двое из этой сотни сворачивали к богато убранной двери, которую швейцар в горжетке предупредительно распахивал перед гостями. Да и то те двое вполне могли оказаться столичными гостями, инспекторами Роспотребнадзора или случайными туристами, спустя минуту смущённо выскальзывающими обратно. Но швейцар свой ритуал соблюдал исправно, каждый раз произнося затверженную фразу: «Будем рады видеть вас снова!».

На кухне «Шиншиллы» царила организованная суматоха. Дюжина поваров и поварят слаженно чистили, рубили, шинковали, варили, обжаривали, бланшировали, запекали и заливали. «Филе на третий стол», «рукколу в холодный», «паштет на лед» – командовал с капитанского мостика шеф-повар в накрахмаленном колпаке. В духовке томилась дичь. В морозилке дрожало желе. Отобранная сомелье винная батарея сверкала позументами на отдельном стеллаже. Кондитер выписывал шоколадом каллиграфические заголовки на сливочных страницах бисквитного журнала.

Что творилось в зале – не передать и словами. Накануне вызвали обе смены техперсонала и вылизали каждый сантиметр кафеля и стекла, изнутри и снаружи. Дважды перекрывали столы, трижды меняли приборы, докупали вазы, перевязывали салфетки. Собрались, было стелить ковровые дорожки, но Боброва категорически воспротивилась, зато пожелала сменить бутафорскую горжетку швейцара на настоящую шиншилловую. Пришлось обратиться к владелице мехового бутика Кривоносковой. Та помогла, но вытребовала себе платиновую карту. Просьбу удовлетворили с условием получать предуведомления о сезонных распродажах. Метрдотель весь день ходила в белых перчатках и терла пальцем попадавшие ей на глаза предметы и поверхности. В поте лица трудились флористы, кропя букеты и бутоньерки солёной росой. Вскоре к ним присоединились музыканты симфонического оркестра – в душных фраках принялись двигать стулья, вспотели, попросили воды. Взглянув на часы, бросили перестановку и стали настраивать инструменты. Явился взвинченный ведущий, поссорился с дирижёром, накричал на метрдотеля, заставил в третий раз передвигать столы. Чтобы утихомирить ведущего, пригласили бармена. Метрдотеля успокаивал кондитер, дирижёра – метрдотель. В общем, банкет был готов ровно за четверть часа до появления первых гостей.

Как только грянули тревожные аккорды «Летней грозы» Вивальди, Нина сменила рыжий начес на белокурые локоны и окончательно успокоилась. В ресторан стекалась избранная публика: солидные мужи в наглухо застёгнутых пиджаках, надменные дамы в шелках и каратах, степенные директора в окружении свиты златокудых помощниц, молодые предприниматели с чёртом в шальных глазах, пленники богемы, светила науки... Швейцар в шиншилловой гор-

жетке не успевал соблюдать предписанный ритуал, да так и стоял, остолбеневши, распахнув дверь и рот. Вскоре зал был уж полон. Дирижёр взмахнул палочкой – оркестр умолк. Один за другим на сцену стали подниматься гости, чтобы поздравить юбиляршу и вручить подарок, стоимость которого отражала не только степень личной симпатии дарителя, но и вес в обществе. Кривоносова расщедрилась и подарила Бобровой пончо из скандинавской норки. Банкир Свистоплясов вручил именную карту с вкладом «Вместе навсегда». Страховая компания «А вдруг?» застраховала шикарные Нинины волосы на внушительную сумму с шестью нулями. К страховому случаю отнесли и потерю хозяйкой волос контроля над сменой причёски. Подарки были маленькие, как, например, колечко от «Роберто», и большие: «Небесные странники» привезли в подарок настоящий парашют. Дары были материальными и виртуальными, полезными и не очень. Были среди приглашенных и представители различных союзов, комитетов и ассоциаций – каждый из них считал своим долгом вручить Бобровой оправленную в золочёную раму грамоту, свидетельствующую о её выдающихся заслугах перед городом, отраслью или отдельно взятой организацией. Чинно и мерно текли хвалебные речи, торжественные гимны воспевали недостижимые для конкурентов и бесценные для партнёров качества «Штучки», а также добродетели самой хозяйки журнала.

Вот на сцену вышла высокая статная дама с пышной причёской – хозяйка языковой школы «Полиглот» госпожа Лаптева. Поправив микрофон под свой величественный рост, произнесла:

– Юбилейный номер «Штучки» лежит теперь у меня на тумбочке вместе с томиком моего любимого Шекспира. И я с удовольствием читаю его перед сном. Узнаю о достижениях выдающихся людей, о рецептах успеха, о секретах красоты и стиля. Мне приятно, что на страницах журнала я вижу знакомые лица людей своего круга. А здесь, – ораторша с трудом приподняла тяжёлый фолиант, – здесь собраны самые яркие персоны Верхнедонска, его элита. Всем же остальным я скажу так: читайте и жалеите, что не попали в эту энциклопедию успеха! Ниночка, – обратилась она к юбилярше, – от имени языковой школы «Полиглот» и от себя лично приглашаю тебя в гости к Шекспиру. Welcome to the Great Britain!

Не успела Лаптева спуститься по ступеням со сцены, как её место занял господин в бабочке с клиновидной бородкой и зачёсанной набок редеющей шевелюрой – известный в городе художник Пестряков. В одной руке он держал букет белых пахучих лилий, в другой – упакованную в папирусную бумагу картину.

– Вчера я лёг спать в третьем часу, – поделился с собравшимися Пестряков, – и не потому, что работал в мастерской, а потому что читал «Штучку». Последний раз такое со мною случилось в школе: это был «Таинственный остров» Жюль Верна. Юбилейная «Штучка» читается как приключенческий роман, на одном дыхании. А еще, как художник, не могу не заметить: Нина Боброва обладает удивительной способностью собирать вокруг себя весь цвет общества. Да-да! Оглянитесь вокруг: какие прекрасные, одухотворённые лица! – одухотворённые лица посмотрели друг на друга и подлили в бокалы шампанское. – А самый красивый и совершенный цветок сегодняшнего вечера – наша прекрасная Нина!

Пестряков склонился в полупоклоне и вручил Бобровой лилейный букет. Потом с виртуозностью фокусника разорвал ленты на шуршащей упаковке и повернул картину лицом к публике. Гости ахнули. Юбилярша всплеснула руками. На портрете Нина была изображена у открытого окна полуобнажённой. Между утопающей в белых цветах вазой и ниткой ядрёного жемчуга лежал небрежно раскрытый журнал «Штучка».

Следом выступил председатель областного отделения Союза писателей Полуконь и прямо заявил, что, с его точки зрения, юбилейный журнал «Штучки» не что иное, как настоящая, серьёзная литература, и он удостоен чести объявить о приёме Нины Бобровой в ряды писательского союза. В подтверждение сказанного Полуконь вручил редакторше новенькую, негнувшуюся от свежего клея корочку, приложив к ней стальное гусиное перо, веретенном тор-

чащее из гранитного куба чернильницы. После чего удалился к своему столику, снял ненавистный пиджак и налил из запотевшего штофа в узкую рюмку.

А вот Карен Давыдович Акопян, владелец клуба «Пегас», был оригинален. Он не стал много говорить в микрофон, только отметил, что не может отказать себе в удовольствии удивить юбиляршу. Акопян протянул пустой договор, подписанный и заверенный печатью, в который Нина была вольна вписать любые объёмы, суммы и условия. Брови именинницы поползли вверх, щёки зажглись румянцем. Довольный произведённым эффектом, Акопян добавил, что вторая часть сюрприза ждёт юбиляршу чуть позже.

Ровно в восемь, когда вереница поздравляющих успела слегка утомить Боброву, Нина увидела входящего в зал Рубина. В ту же минуту грянул оркестр. Вспыхнул фейерверк и на сцену взбежал солист группы «Абсент» Пётр Беляк. «Привет, Верхнедонск!» – крикнул он в микрофон и, вскинув руки, принял ответные приветствия публики. По-хозяйски взял Боброву за талию и небрежно поцеловал в запястье – женская часть зала затрепетала от восторга. Раздались возгласы и свист, звон стекла и грохот упавшего на пол стула. Ведущий попытался перекрыть воцарившийся вокруг хаос, но его уже никто не слушал. Гости повскакали из-за столов и бросились в танец как в омут. Танцевали все!

Первым пустился в пляс литератор Полуконь, успевший хватить ещё пару стопок без закуски. Он прижал тонкую, как тростинка, дизайнера «Штучки» Лику Ландышеву к тугому животу и уже не отпускал от себя ни на секунду. Танцевал чиновник Туманов с молодой актрисой Олесей Дрозд, танцевал художник Пестряков, пригласив в партнёрши Кривоносову, танцевал коротышка из Гильдии инвесторов с великаншей из Антимонопольного комитета. Срываясь на лезгинку, танцевал Акопян, опаливая горящим взглядом журналистку в коротком бирюзовом платье. Лаптева, забыв про пышную причёску, кружилась ведомая опытной рукой банкира Свистоплясова. Танцевали виднейшие представители верхнедонской элиты, среди которых – президент Ассоциации риэлторов Эдуард Тузов, светский лев Мухин, директор страховой компании «А вдруг?» Борис Копец, депутаты Котовский и Подставкин, известный адвокат Урываико. Глава информгентства «Край» Анатолий Орешкин увлёк в танце необхватную Антонину Грасс, представляющую в регионе интересы международного автомобильного концерна. Никита Мано извивался возле незнакомца в антрацитовом костюме. Танцевали в полном составе сотрудники редакции «Штучка». Освободившись от галстуков, отплясывали молодые директора, а с ними златокудые помощницы, рослые парни из «Небесных странников» и надменные жены чиновников, снимавшие вечеринку папарацци и пресс-секретари, включая захмелевшую от счастья Алину Дёгтеву. Танцевали знаменитые и неопознанные гости, веселились даже тени. Швейцар «Шиншиллы» в горжетке – и тот лихо притопывал возле дверей, замирая и вытягиваясь в струну всякий раз, когда мимо него проходили гости. Воспользовавшись моментом, официанты ловко лавировали между столов и колышущихся тел, вынося горячее. Но даже они, гружёные подносами с хрупкими пирамидами бокалов и тарелок, пританцовывали, повинуюсь первобытным ритмам «Абсента» в обрамлении благородной мощи симфонического оркестра. Оркестранты вставали в полный рост, отбивая такт лаковыми ботинками. Беляк страстным фальцетом призывал всех забыть о невзгодах и танцевать под тёплым лунным дождем. И все как один внимали его заклинаниям, невзирая на отсутствие в помещении дождя и луны.

Нина продралась сквозь аморфную массу танцующих и подошла к Рубину, протянув в приветствии руку. Их сразу же окружили плотным кольцом фотографы. Замигали вспышки. Антон и Нина обменялись формальными фразами: «очень рада видеть...», «рад познакомиться...», «для меня большая честь...», «праздник замечательный» и тому подобное, что принято говорить при первом знакомстве двум молодым, красивым и успешным людям под прицелом камер и любопытствующих взглядов. Рубин вытащил из кармана пиджака неболь-

шую коробочку, вытащил из неё сверкнувшую в темноте вещицу и надел на руку именинницы изящный белый браслет с вплетёнными буквами «Штучка».

– Эта штучка сделана из никеля, почти чистого. По стоимости конечно не золото... но гарантирую вам, Нина, что вы будете единственной обладательницей подобной вещицы. Она уникальна. Так же как и вы.

Нина услышала стук собственного сердца.

– Но советую надевать её только для фотосессии, – сказал Антон, стаскивая с руки Нины браслет и укладывая его обратно в коробочку. – Никель – довольно вредный металл, хотя, безусловно, очень красивый. Он может быть аллергичен для нежной кожи, – Антон задержал руку на Нинином запястье. Он вручил юбилярше заключённый в коробочку браслет и взял с подноса подоспевшего официанта пару бокалов шампанского, один из которых протянул Бобровой.

– За вас и ваш успех!

К тосту присоединились другие гости, шумно чокнулись бокалами и праздник загремел с новой силой. Очнувшись, Нина потащила Рубина за руку в самую гущу танцующих. Пётр Беляк замолк, но лишь на мгновение – вскоре зал окатило рвущими аккордами блюза. Гости разбились по парам и замерли друг подле друга. Те, кому пары не досталось, ничуть не расстроились, а вернулись за столы, куда уж принесли новую смену блюд и напитков. А потом был стриптиз, устроенный Акопяном в качестве второй части сюрприза для Нины. И новые тосты, и комплименты – один изящнее другого. Вывезли именинный торт и сообща развели по страницам сладкую ванильную «Штучку». А Кривоносова, вырвавшись на сцену, как на баррикады, уже подпевала Беляку. И теперь уже она по-хозяйски держала его за талию, принося лоснящейся щекой к молодому подбородку. И был праздник! И была полночь. И всем было весело.

И стояла, возвышаясь над всеобщим весельем, тень старухи с развивающимися седыми космами. И была эта тень великой настолько, что не замечалась вблизи. И стояла возле великой тени задумчивая зеленоглазая Лариса. А по другую сторону тени беспокойно хлопал крылами огромный чёрный ворон с человеческими глазами. И взирали с балкона на веселье двое: один – закутанный в тёмный плащ смуглый красавец со смоляными кудрями, другой – бесплотный отрок в светлых одеждах, печально закрывающий прозрачными веками голубые всевидящие свои глаза.

И таял лед в ведёрках с шампанским, и бились на счастье бокалы. И жарились стейки, и плавилась взгляды, и бряцали доспехи. И вершились великие дела. И плакала Алина Дёгтева, запершись в женском туалете. И уезжало такси, и увозило Антона с Ниной под заоблачные своды пентхауса. И возносила их ночь над залитым огнём Верхнедонском. И так далёк был тот первый рассветный луч, что умоет утром город, и утешит скорбящих, и осушит слёзы плачущих, и защитит обиженных...

Глава 11. Синдром Орешкина

В субботу арестовали атамана Черпака. Перцев узнал об этом, как и все верхнедончане, из новостной ленты информагентства «Край». Весть мгновенно разнеслась по городу. Черпаку было предъявлено обвинение в вымогательстве денег у компании «Траст-Никель» в обмен на свёртывание протестных действий.

– Что?! Почему я не в курсе? – негодовал Перцев, ворвавшись в кабинет директора.

– Эй, полегче, – осадил его Орешкин, – сядь, остынь!

Перцев тяжело бухнулся на стул.

– Ты всё ещё наивно полагаешь, что борцы против никеля все как один неподкупны? Что казаки твои шашкой машут из любви к боевому искусству? – сузив глаза, прошелестел директор над ухом. – Так вот, у главного правдборца Черпака в доме была обнаружена сумка с деньгами – ровно та сумма, которую он требовал через подельника по телефону. Понял?

Андрей сидел, тяжело дыша.

– А не в курсе ты потому, что хреновый адвокат! – хладнокровно продолжал Орешкин. – Хороший – всегда в курсе того, что происходит с его подзащитным.

– Завтра же я поеду в Чернавск, – Перцев решительно поднялся со стула.

– Вот-вот, поезжай. Узнаешь подробности, оценишь настроение людей. Заодно с геологами встретишься – вот тебе пропуск, – директор бросил на стол оправленный в ламинат кусок картона. – Кстати, и с Сидоренко неплохо бы потолковать. Сдаётся мне, старик не откажется помочь следствию. За соответствующее вознаграждение, разумеется.

Андрей молча взял пропуск и вышел из кабинета. Проводив презрительным взглядом подчинённого, Орешкин открыл мобильный органайзер и сделал пометку. Взглянул на часы и засобирился в Красный дом: на три было назначено внеочередное заседание Общественного совета. Опаздывать Орешкин не любил.

Внеплановое заседание было продиктовано сразу несколькими обстоятельствами. Вместо Трепакова, госпитализированного после скандального происшествия на ступенях обладминистрации, департамент экологии и природопользования временно возглавил его заместитель Головкин, его нужно было официально ввести в Совет. Председательствующий академик Эпштейн имел важное заявление об обнаружении в составе чернавских руд платиноидов и золота. В связи с этим значимость месторождения многократно возрастала, суля инвесторам дополнительные прибыли, не идущие ни в какое сравнение с выгодой от добычи никеля. Извлечение драгметаллов, конечно, потребует дополнительных расходов со стороны разработчика, но академик был убеждён, что игра стоит свеч, и готов был выступить гарантом целевого использования инвестиций.

В этом заседании впервые собирился принять участие представитель компании «Траст-Никель» Семёнов с предложением подписать Меморандум о взаимопонимании, целью которого был перевод взаимодействия с общественностью в конструктивную, правовую плоскость. Компания намеревалась также привести цифры ущерба, причиненного ей противоправными действиями противников добычи никеля.

Кроме того на внеплановом заседании планировалось удовлетворить просьбы нескольких учёных по выходу из состава Совета, а также рассмотреть предложения о вводе в него новых членов. Среди новичков – заведующий кафедрой социологии и политологии Верхнедонского университета Корякин, известный в городе юрист Урывако и лидер наскоро сколоченной общественной организации «Чернавцы за прогресс» – все они были протеже Орешкина, прошедшие предварительное собеседование с нужными людьми. В кулуарах до начала заседания Орешкин собирился также переговорить с главой района Тупикиным и директором

Чернавского заповедника Климовым. Одного следовало проинструктировать, другого заверить в солидарности.

Повестку дня и предложения сторон Орешкин знал подробно задолго до начала заседания, ведь его профессией была добыча и продажа ценной информации, стоящей порой не меньше драгметаллов. Недавнее вхождение в Общественный совет давало ему дополнительные ресурсы в сборе такой информации, а главное – возможность самому влиять на процессы, происходящие вокруг никелевых разработок. Орешкин настойчиво и планомерно выполнял дорогостоящий заказ Рубина, сглаживая промахи и ошибки своего непутёвого подчинённого Перцева. Парень тот был небесталанный, кропотливый и легковнушаемый, так что крест на нём ставить пока рано. С такими мыслями Анатолий Орешкин вошёл в зал заседаний.

Первым, кого увидел директор информагентства, был глава Чернавского района Тупикин. На Иване Дмитриевиче не было лица. Казалось, всю ночь он таскал тяжёлые мешки с песком. Лоб блестел от пота, несмотря на кондиционированную прохладу зала. Под глазами набрякли желтоватые мешочки. Мятая рубашка топорщилась над ремнём, опоясывающим брэнное тело с согбенными плечами. Одна из пуговиц на груди была расстёгнута, в прореху неряшливо заправлен хвост жеваного галстука. Словом, не глава района, а хозяин частной лавочки, уличенный в сокрытии неучтённого дохода.

– Что с вами, Иван Дмитриевич? – с тревогой спросил Орешкин.

Тот только рукой махнул.

– Еле выехал. Окружили машину, чуть ли не в воздух подняли, как звезду эстрады, – на лице Ивана Дмитриевича расплзлась болезненная улыбка. – Пикетируют третий день.

– Что требуют?

– Да что они могут требовать? То же самое: «Нет – никелю!». Теперь ещё: «Свободу атаману Черпаку!» требуют.

– Да, это нелегко принять, – сочувственно покачал головой Орешкин, – уважаемый человек – и тут такое!

– Не верят люди! – отчаянно произнёс Тупикин, кажется, и сам не веря в виновность атамана. – Требуют независимого расследования. А ещё хотят ввести в Общественный совет Задорожных.

– Кто это?

– Андрей Задорожных, есаул чернавского войска – правая рука Черпака.

– Ясно, – Орешкин на миг задумался, – думаю, сегодня не стоит это обсуждать на Совете.

Повестка дня и так переполнена. Да и слишком свежа ещё информация об аресте Черпака.

Тупикин растерянно смотрел на Орешкина, выискивая в его глазах если не совет, то хотя бы толику ободрения.

– А вы, Иван Дмитриевич, не переживайте так, – заботливо склонился над ним Орешкин, – всё утрясётся. Главное – действуйте, как мы договаривались.

Секретарь объявила в микрофон о начале заседания, и присутствующие расселись за овальным столом. Во главе его царственно восседал академик Эпштейн, поблёскивая золочёной оправой. Орешкин поспешил занять место между социологом Корякиным и юристом Урываико. Директора заповедника Климова он отложил на потом.

Зачитали повестку дня – одобрили единогласно. Приняли новых членов Общественного совета, тоже единогласно. Освободили от участия в Совете по собственному желанию четырёх верхнедонских учёных: двух докторов наук, одного кандидата и одного аспиранта-гидрогеолога. Все они мотивировали уход приоритетной необходимостью заниматься научной работой. Аспирант Кузовкин добавил, что не видит для себя возможности реально влиять на решения Совета и не видит реальных возможностей Совета влиять на ситуацию в целом. Углуб-

ляться в подробности не стали. Сразу же после утвердительного голосования все четверо покинули зал.

Покончив с кадровыми вопросами, заслушали доклад академика Эпштейна. Узнали много интересного о перспективах использования платиноидов в разработке углеводородного топлива. Оказывается, углеродосодержащие сланцы содержат немалое количество золота и других драгметаллов. Оставалось неясным, почему такая важная информация не была указана изначально в конкурсной документации на месторождение.

Далее выступил финансовый аналитик Скалкин: обрисовал в общих чертах ситуацию на рынке цветных металлов, отметил тенденцию снижения мировых цен на никель и выразил острое сомнение в экономической состоятельности проекта. Ему возразил другой финансовый аналитик, утверждающий, что за периодом спада неминуемо следует период роста, и он уже не за горами. Свидетельство тому – оживление активности китайских металлургических компаний. Заспорили о фондовых рынках и влиянии мирового кризиса на биржевые цены. Эпштейн вынужден был прервать дискуссию финансистов, вышедшую далеко за рамки обсуждаемой темы.

Заговорив о деньгах, вспомнили о бюджетах. Отдуваясь и отирая лоб платком, Тупикин зачитал по бумажке цифры, свидетельствующие о весьма скромных успехах района. Что говорить, похвастать Ивану Дмитриевичу было нечем, по показателям развития его район плёлся в хвосте области. Собравшиеся укрепились в мысли о «счастливом билете», выпавшем на долю Чернавска в лице компании «Траст-Никель», способном радикально изменить ситуацию. Взоры обратились к Семёнову. Никто не заметил адресованный ему еле уловимый кивок, которым директор информагентства предварил речь руководителя геологоразведки.

– Прежде всего мне хотелось бы прокомментировать ситуацию с арестом атамана Черпака, – начал своё выступление Семёнов.

В зале загалдели.

– Пока ведётся следствие, мы не вправе делать выводы, но своё суждение я позволю себе высказать. Ни для кого из присутствующих не секрет, что в конкурсе на разработку чернавского месторождения кроме компании «Траст-Никель» принимали участие ещё два претендента. А до этого на лицензию претендовали ещё и иностранные инвесторы. Но Бог с ними, с иностранцами. О добыче никеля заговорили за год до того, как стало известно имя победителя конкурса. А народные протесты начались сразу же после. Стоит ли удивляться такому совпадению? На мой взгляд, нет. Всё окончательно стало на свои места, когда в адрес компании «Траст-Никель» посыпались сначала ультиматумы и угрозы, а затем последовало анонимное предложение по телефону откупиться от народного протеста. Была названа сумма в сорок тысяч евро. Как вы знаете, сумка именно с такой суммой денег была обнаружена в доме Черпака. Компания «Траст-Никель» вынуждена была согласиться на сделку с тем, чтобы прекратить бессовестный шантаж в свой адрес со стороны так называемых защитников экологии.

– Зачем же всё мешать в одну кучу? – возмутился с места директор заповедника Климов. – Во-первых, я считаю некорректно говорить о недоказанной пока вине подозреваемого. Презумпцию невиновности никто не отменял. Во-вторых, даже в случае если вина будет доказана, в чём лично я глубоко сомневаюсь, не стоит переносить обвинение в адрес одного человека на всё население района. Этак и меня можно обвинить в косвенном вымогательстве средств на защиту Чернавского заповедника!

Раздались возгласы. Секретарь строго призвала к порядку и предложила дослушать выступление Семёнова до конца.

– Я не случайно употребил выражение «так называемых защитников экологии», – продолжил тот, – это ещё мягко сказано. А как ещё по-другому можно назвать людей, которые врываются в лагерь геологов, крушат бытовки, машины, оборудование, избивают сотрудников компании и грозятся поджечь всю территорию геологоразведки? Последний погром нанес

компании ущерб порядка пятнадцати миллионов рублей. Кто его будет возмещать? Район? – Семёнов повернулся к взмокшему Тупикину. – Страховые компании? Или, может быть, заказчики, финансирующие протестные настроения чернавцев? – он налил в стакан воды и залпом выпил. – А теперь вернёмся к бюджетам. От имени компании я уполномочен донести, что «Траст-Никель» берёт на себя обязательства не только минимизировать возможный ущерб для экологии, но и вложить значительные средства в развитие района: в дороги, в школы и детсады, в культуру, и в заповедник, кстати, тоже, – повернулся к Климову выступающий. – И всем нам будет обидно, если деньги вместо того, чтобы пойти на защиту экологии и развитие социальной сферы, пойдут в карманы шантажистов и на покрытие убытков от действий чернавцев, подстрекаемых так называемыми экозащитниками.

Орешкин исподтишка оглядел участников заседания и с удовлетворением отметил, что в глазах большинства из них читалось согласие с доводами оратора.

– Областной департамент экологии и природопользования совместно с компанией «Траст-Никель» подготовили проект Меморандума о взаимопонимании, – секретарь раздала заседателям папки. – В нём обозначены основные принципиальные позиции и регламенты решения возникающих спорных вопросов. Предлагаю всем ознакомиться с документом, обсудить и подписать его. Надеюсь на ваше понимание, коллеги.

Семёнов сел на место.

– Я целиком и полностью поддерживаю предложение Семёнова, – подал голос вновь принятый в Совет и. о. главы департамента экологии и природопользования Головкин, – только взвешенный, конструктивный разговор позволит нам прийти к взаимопониманию.

Руку поднял социолог Корякин:

– Мне хотелось бы отметить открытость и лояльность компании «Траст-Никель», её готовность вести диалог с местным населением, несмотря на ущерб, нанесённый действиями отдельных радикалов. Также хочу обратить внимание присутствующих на явную политическую подоплёку искусственно раздутого, на мой взгляд, конфликта. Этого нельзя замалчивать, – Корякин выразительно погрозил пальцем невидимому оппоненту. – Со своей стороны предлагаю разобраться: от чьего имени действуют активисты, выступающие против никеля? Вправе ли они говорить от лица всех жителей Чернавского района? Для этого надо провести социологическое исследование, организацию которого готова взять на себя кафедра социологии и политологии, которую я представляю.

Его поддержал молодой лидер общественной организации «Чернавцы за прогресс», сидящий по правую руку от социолога. Он заверил заседателей в том, что далеко не все жители Чернавского района выступают против никелевых разработок. Большинство молодых чернавцев с надеждой смотрят в новое будущее, обещанное им компанией «Траст-Никель» и руководством района.

За соопрос проголосовали большинством голосов с пятью воздержавшимися. Секретарь пометила в протоколе имя исполнителя: Корякин.

Взявший следом за Корякиным слово юрист Урываiko остановился на положениях законодательства, ужесточившего меры в отношении участников несанкционированных митингов и других массовых выступлений. Он призвал правоохранительные органы решительнее бороться с любого рода провокациями и наказывать злостных нарушителей правопорядка по всей строгости закона, какими бы мотивами ни были продиктованы их действия.

Дело двигалось к завершению собрания. Бутылки с водой опустели. Люди утомились, некоторые с беспокойством поглядывали на часы. Оставалась формальная концовка, именуемая в любой повестке словом «Разное». Тут-то и началось. Чинное заседание вдруг разлетелось на куски, монотонная вязь голосов взорвалось возмущёнными возгласами из ряда наблюдателей. Они скромно сидели вторым полукругом на приставленных к стенке стульях и следили за происходящим, не имея права ни голосовать, ни выступить с протокольными речами.

Но задавать вопросы – такого права их никто не лишал. Долго кипевшая галёрка разразилась десятком «почему?»:

– Почему в Общественном совете с каждым разом становится всё меньше представителей общественности и всё больше представителей власти?

– Почему уходят профильные учёные? Почему на их место приходят социологи, политтехнологи и финансисты?

– Почему на заседании нет представителя казачества? Почему на место одного выбывшего чиновника сразу приходит другой, а замены арестованному Черпаку нет?

– Почему при исследовании экологического фона замеры производятся в местах, указанных разработчиком месторождения?

– Почему до сих пор не представлен полностью весь пакет документов, необходимых для начала работ? А те, что представлены, не содержат полной объективной информации?

Овальный стол пришёл в движение. Задвигались стулья, наперебой зашумели голоса, зашептались, завозмущались, закричали что-то в ответ. Эпштейн беспомощно развёл руками. Секретарь неистово звенела в колокольчик.

– Позвольте мне, – поднялся Орешкин.

Шум стих, замолк и звук колокольчика. Неприметный человек в сером костюме, до сих пор не издавший ни единого звука, мягко развернулся лицом к галёрке и грустно обвёл мудрыми жёлтыми глазами сидящих на приставных стульях людей.

– Уважаемые наблюдатели, – обратился он к ним тихим голосом, – если бы вы только знали, как трудно собрать в одном месте всех, кто озабочен проблемами экологии, экономического развития и социального благополучия региона. Как сложно добиться взаимопонимания между ними. Так же, как каждому из нас непросто совмещать работу, деньги, здоровье, личные интересы, ответственность за семью. Каждый раз приходится выбирать.

Люди недоверчиво слушали оратора, не понимая, к чему тот клонит.

– Вот вы спрашиваете: почему нет представителей общественности? Позвольте, как же нет – вас одиннадцать человек и ещё семеро сидят за столом. Согласен, трудно бывает признать, что не вся общественность разделяет вашу точку зрения – не так ли? – серый человек сочувственно вздохнул. – Вот и история с Черпаком говорит о том же: кто-то выбирает высокую идею, а кто-то – личное финансовое благополучие. И со стороны не заметить разницы, – Орешкин грустно покачал головой. – Вы говорите, казачество. А где было казачество, когда объявили конкурс? Спали-спали и вдруг проснулись? И потом, те же казаки сами выбирали районную власть, никто их не неволил голосовать за Тупикина. Правильно я говорю, Иван Дмитриевич? – повернулся он к главе района.

Тот издал лишь невнятное мычание.

– Вот наши уважаемые социологи и измерят градус народной любви и доверия к районной власти, а заодно и отношение общественности к разработке месторождения. Что ж заранее кулаками махать?

– А никто и не машет! – огрызнулся наблюдатель с перечеркнутой буквой N на лацкане. – Просто мы хотим получить ответы на свои вопросы. Почему в Общественном совете нет профессора Сидоренко? Его мнение в корне отличается от официальной оценки.

Академик Эпштейн заёрзал на месте, перекладывая туда-сюда бумаги.

– Видите ли, – ответил за него Орешкин, – профессиональная компетентность уважаемого господина Сидоренко нуждается в тщательной проверке. Семь лет назад он был отстранён от занимаемой должности и преподавательской деятельности – такое пятно в биографии никого не красит, тем более учёного, претендующего на роль эксперта проекта федерального значения. Неужели вам недостаточно мнения учёных, сидящих в зале? Может быть, вы лучше них знаете, где делать фоновые замеры?

С места решительно поднялась женщина с прибором в руках.

– Об этом я и хотела сказать. Мы делали замеры радиации сами, – она продемонстрировала присутствующим счётчик Гейгера, – и обнаружили серьёзное расхождение с цифрами, указанными в отчёте комиссии.

– Галина Андреевна, при всём моём уважении к вам всё же хочу спросить: вы не думали, что у доктора физико-математических наук Лопаткина замеры радиационного фона получатся более точными, чем у вас? Вы уж меня извините, ради Бога, кто вы по специальности? – вкрадчиво спросил Орешкин.

– Культработник, – смутилась женщина.

– Вот видите. А теперь сами посудите, чьим замерам население поверит больше – замерам культработника с допотопным счётчиком Гейгера или замерам учёных-физиков, оснащенных современным оборудованием?

Постепенно накал в зале спал, и теперь уже многие нетерпеливо стучали по циферблату и призывали к соблюдению регламента. Заключительное слово взял председатель.

– У меня предложение: все вопросы и замечания по работе комиссий и Совета в целом направлять в письменном виде по мере их возникновения. Тогда мы сможем заранее подготовить развёрнутые ответы и необходимые доказательства. Наша с вами общая работа будет более конструктивной и лишённой ненужных эмоций.

Все члены Совета единодушно проголосовали «за». Слушания по проекту Меморандума перенесли на следующее заседание. Выполнив заключительные формальности, Общественный совет завершил свою работу. Всеобщее оживление поглотило недовольное ворчание отдельных заседателей.

В коридоре Орешкин догнал Климова, чтобы выразить тому солидарность в деле сохранения редкой породы оленей, но директор заповедника разговаривать не стал, лишь сухо извинился, сославшись на занятость. Но, несмотря на сухость Климова, на панику в глазах Тупикина и возмущение отдельных наблюдателей, заседание Совета Орешкин признал для себя удовлетворительным, о чём и доложил заказчику.

Глава 12. Полёт

Сколько раз Антон Рубин убеждал себя не обращать внимания на моральные издержки своей работы: в крупной корпорации они неизбежны. Когда речь шла о стратегических интересах, многомиллионных вложениях требовались железная хватка, хладнокровие и непреклонная жёсткость, как на войне. Да, игра. Да, выиграть во что бы то ни стало. Победить любой ценой и, став победителем, избежать суда. Ведь победителей не судят! Так рассуждал его тесть – президент компании Новиков. Так действовали все. Но призывы тестя проявить «здоровый цинизм» доходили до Рубина с большим трудом. За десять лет Антон так и не научился быть циником. Особенно когда в игру вовлекались посторонние, не имеющие отношения к бизнесу люди.

Установка «подержать взаперти до поры до времени, чтобы не мутил воду» в отношении атамана Черпака была исполнена без его, Рубина, участия. Новиков сообщил ему об этом постфактум, воздержавшись от деталей операции. Антону было известно лишь то, что поводом к применению жестких карательных мер послужило нападение казаков на лагерь геологов. Черпака арестовали. Орешкин обеспечил событию нужную информационную огласку. Но взаперти оказался сам Рубин. Он не мог отделаться от гадкого ощущения подельника. И вообще, вся его жизнь в последние годы всё больше напоминала ему бег. Не понимая толком, в чём его вина, он испытывал стойкое желание оправдаться перед самим собой. Всем остальным его оправдания были не нужны – только результаты и деньги.

Закончилась ещё одна изнурительная, полная борьбы неделя. Распустив галстук, Антон вышел на террасу двадцать восьмого этажа. Поставил на плетённый стол початую бутылку коньяка, блюдец лимонных долек, скинул ботинки и завалился в нагретый солнцем шезлонг. Внизу шумел покорённый им город. Было ещё светло, закатное солнце горело и плавилось в витринах, поджигало оранжевым окна домов, искрилось в пузатом бокале. Антон посмотрел на просвет лимонную дольку и медленно сжевал её, оттеняя вкус дорогого коньяка.

Его высотное уединение нарушил внезапный звонок. Рубин собрался отключить телефон – сегодня он не желал больше никого слышать, но увидев на экране имя абонента, нажал кнопку связи. Это был его московский друг Эдик Геккель, адвокат и парапланерист.

– Привет, Антон! Как жизнь? – голос москвича искрился энтузиазмом, которого так не хватало сейчас Рубину.

– По-разному, Эдик. Но, в общем и целом – удовлетворительно, – сдержанно ответил он.

– Что-то маловато оптимизма в твоём голосе, старик. Совсем заработался? – посочувствовал Геккель. – Надо отдыхать! Впереди, между прочим, уик-энд, – и заговорщически добавил: – Не пора ли плеснуть немного адреналина в рюмку жизни?

– Что, полетать собрались? – улыбнулся Антон, хорошо знавший эту коронную фразу приятеля, предварявшую обычно предложение куда-нибудь махнуть.

– Собрались, – задорно отозвался Эдик, – вот и звоню!

– И куда же на этот раз?

– В Альпы. Пасси Плен Жу – слышал? Шестнадцать километров от Монблана.

– Кажется, припоминаю. Там ещё приличные горнолыжные трассы.

– Вот-вот, – обрадовался Эдик, – где склоны, там и лыжники, а где лыжники, там и мы! – его энтузиазм не знал границ. – У Палыча юбилей, ты не забыл? – напомнил он. – Старик решил отметить его в небе. Будут все наши. Ты как?

Антону вдруг нестерпимо захотелось бросить всё и уехать в Альпы. Крыло параплана, лежало на антресолях, и ничто не мешало прямо сейчас вытащить его и переложить в багажник автомобиля. Собрать по-быстрому сумку и...

– Когда вылет?

– Завтра в 11:40, как раз успеешь добраться в Домодедово. Рейс 808 Москва – Женева. Билеты забронированы.

– А пораньше сказать не мог? – проворчал Антон.

– Не мог, – ответил Эдик, – сам час назад узнал. Ты что, не знаешь Палыча? – у него всегда так: придумал – решил – сделал!

– Ладно, я буду, – пообещал Рубин, предвкушая порядком подзабытое за последние годы ощущение полёта.

– Ну, будь.

– Сказал же: буду – значит буду!

– Будь здоров, брюзга! – рассмеялся в трубку Эдик.

– До завтра, подстрекатель!

Антон откинулся в шезлонге и плеснул себе ещё коньяку. Предложение Геккеля было как нельзя кстати. Ему требовалась передышка. Завтра рано утром он рванет в аэропорт, а через три-четыре часа, если повезёт с погодой, сможет свободно парить среди гор, позабыв все проблемы и неприятности последних месяцев.

Мотор урчал ровно и сыто, как довольный кот на коленях хозяина после миски сметаны. Синий фургон преодолевал очередную петлю серпантина. Вскоре горы расступились, и машина въехала в долину, окружённую со всех сторон многослойными альпийскими пейзажами. На первом плане – поросшие сочной травой склоны в прожилках ледяных ручьев. За ними – пики елей и слоистые скалы, отвесно-гладкие с одной стороны и шершаво-пологие с другой. Ещё дальше – грубые складки лесистых отрогов, острые каменные зубья, пронзающие лебяжий пух облаков. А на самом верху – неприступные снежные вершины, безмолвные в своём космическом спокойствии. Венчал картину бездонный купол неба с мягкими перышками облаков и яркими точками парящих крыльев.

Всё-таки в современный век скоростей и технологий расстояния – это ничто! Два часа перелёта, час до отеля в Шамони – уютного шале с видом на Монблан. Заселение, душ, чашка кофе – это заняло не больше получаса. И вот уже семеро друзей в добровольном плену у величавых Альп, а скоро вырвутся и из этого, прямо скажем – не худшего плена, взмыв высоко в небо – то есть станут абсолютно свободными!

Старт Плен Жу представлял собой каменистый склон с лепестками разложенных на нём крыльев. Надутые колдуны¹ фиксировали приличную силу ветра. Антон сбросил с плеч алое крыло и стал аккуратно раскладывать его на площадке. Проверил стропы, крепления, подвеску. Надел снаряжение, застегнул шлем. Эдик с Палычем помогали удерживать купол: ветер усиливался, он слышал сквозь подшлемник его свист. Теперь оставалось точно выбрать момент, чтобы взлёт получился плавным. Глаза слезились от солнца и ветра. Впереди зияла бездна... Сколько же он не летал? Месяц, два, больше? Не верьте тому, кто скажет, что к этому можно привыкнуть, что опытный пилот не испытывает предстартового волнения. Ещё как испытывает! Просто человек, преодолев его сто раз, делает это намного легче и быстрее, чем новичок.

Ветер смягчился, воздушные потоки стали пластичными. Купол расправился идеально. «Пора!» – сказал себе Антон, подался корпусом вперёд и, сделав несколько пружинистых шагов, взлетел! Всё. Потеряв земную твердь под ногами, он оставил внизу все тревоги и волнения. Остался лишь восторг от долгожданной встречи с небом и ощущение полной свободы. Крыло, лавируя в воздушных потоках, набирало высоту.

¹ Колдун (*сленг*) – матерчатый конусообразный указатель направления и силы ветра.

Вокруг, насколько хватало глаз, раскинулась цветущая долина, всю прелесть которой можно оценить только с высоты. Далеко в стороне остался городок Шамони. Под ногами растлались шелковистые склоны, перемежаемые еловыми лесами и остроконечными скалами. Антон набрал высоту и, освоившись в небе, сделал несколько спиралей. Тугие струи ветра возвращали его к жизни, выдувая всё лишнее и ненужное из головы. Круто взмывая вверх, он испытывал привычную перегрузку, затем, повернув на 90 градусов, подчинялся гравитации и почти падал, ловя острые мгновения невесомости, переходил в новый восходящий поток и снова скользил к облакам. Все эти ощущения были ему хорошо знакомы, но каждый раз он чувствовал их по-новому. Он видел своих друзей, один за другим поднявшихся в небо. Сначала они кружили стайкой, махая друг другу руками и фотографируясь на фоне гор, а потом разлетелись по безбрежному небу в поисках приключений.

Невольно мысли Антона вернулись в Верхнедонск. Он вспомнил банкет в «Шиншилле» и ночь, проведённую с редакторшей «Штучки». Чувство пустоты поутру и горький кофе. Очередной скандал с женой по скайпу. Напряженный разговор с тестем. Его раздражённое напоминание о сроках и пунктах брачного контракта. Списанные в представительские расходы деньги для поощрения тусоватого Тупикина. Встречу с Орешкиным, предлагавшим всё более изощрённые методы информационных атак на конкурентов и врагов. На что он тратит свою жизнь?

Между тем параплан удалялся всё дальше и дальше от старта, от скопления человечков-букашек, суесящихся возле машин, ползущих муравьиной тропой к обрыву, ожидающих своей очереди на взлёт. Антон потянул на себя левый клевант² и опустился к зубчатой кромке скал. Казалось, ещё чуть-чуть – и заденет ногами их острые края. Он видел каждую трещинку, каждый камень, обострённое зрение фиксировало детали с точностью орлиного взгляда. Эти гордые птицы, давно привыкшие к вторжению в их родную стихию людей, невозмутимо летали рядом. Антон заскользил ниже, вдоль ущелья, увидел тень он крыла на желтоватой, мерцающей слюдой стене. Развернулся и, поймав термический поток, взмыл высоко в небо, оставив парящих орлов далеко внизу. Поднялся почти к облакам. Отсюда до снежных вершин было рукой подать. Монблан скупно улыбался в седые усы, наблюдая за воздушной игрой маленького человечка.

Обогнув крутой отрог, Антон снизил высоту и неожиданно попал в ротор³. Мощный турбулентный поток сотряс крыло. Стропы закрутились в твисте⁴, купол смялся – Антон натянул оба клеванта в надежде выровнять полёт, но параплан стал неуправляемым. Его развернуло и понесло на скалу. Ещё немного – и столкновение неизбежно, нужно что-то делать! Антон с ужасом наблюдал за рваным полётом крыла, беспомощно дёргая за стропы, но ничего не помогало. Параплан стремительно терял высоту, для использования запаски её уже не хватало. Антон зажмурился, приготовившись к худшему. Но вдруг параплан замер. Обмякшее крыло зависло в воздухе, словно неведомая сила удерживала его между небом и землей. Края его слабо трепетали на ветру, спутанные стропы обвисли, но он не падал. Это продолжалось долю секунды, а может целую вечность, потому что Антон успел вспомнить всю свою жизнь. Первый вздох, пахнувший молоком и жасмином. Первый воздушный опыт на куске парусины, стянутой с чердака бабы Нади. Первую любовь – веснушчатую Ольку из третьего «Б». Первый школьный заработок, на который купил всем халвы в шоколаде. Первый контракт. Первую сделку на бирже, после которой его заметили. Первый офис. Первый директорский портфель. Первый миллион... Первый (он же последний) брак. Первое разочарование в семей-

² Клевант – петля ручного управления стропами параплана.

³ Ротор (*сленг*) – подветренное воздушное течение, возникающее при сильном ветре за препятствием, сопровождающееся сильной турбулентностью.

⁴ Твист (*сленг*) – беспорядочная закрутка строп, при которой параплан теряет лётные характеристики и переходит в нестабильный режим.

ной жизни... Первый полёт в Чегеме. Первый свой параплан... И вот первая серьёзная ошибка, могущая стоить ему жизни. Дойдя до настоящего момента, Антон почувствовал новый порыв ветра – его отбросило в сторону, спасая от гибельного столкновения со скалой. Или только отсрочивая падение? Крыло летело вниз, кренясь вправо. Под ногами замелькали тёмные пики елей – и это было шансом спастись. Но лес закончился так же внезапно, как и появился, и надежда запутаться в еловых лапах исчезла. Сразу за лесом показался вспаханный клочок земли. Поле? Здесь? Поодаль виднелся игрушечный домик с рыжей крышей в пене цветущего сада. Лопасты ветряного генератора вращались как сумасшедшие. Белая дорожка змеилась вдоль кромки ущелья. Уж лучше сразу туда – в пропасть, чтоб не мучиться. Ну что ж, значит всё. Антон представил своё распостёртое истерзанное тело на фоне пасторальных красот. В голове зазвучали обрывки молитв, прочитанные не его, чужим голосом. До земли оставались считанные метры.

Неожиданно чья-то невидимая рука снова вмешалась в траекторию падения и отшвырнула безжизненный купол вместе с болтающимся под ним человеком в огромный стог сена. Затрещали скрепляющие сено жерди, соломенная подушка охнула и прыснула сенной трухой. Скрип, хруст, шелест и треск то ли костей, то ли колосьев. Тысячи иголок впились в лицо. Глухой удар о землю – и тишина...

Первое, что увидел Антон, когда очнулся, было склонённое над ним лицо человека. Прозрачные глаза незнакомца с тревогой смотрели на упавшего с неба гостя, губы беззвучно шевелились. Антон медленно приподнялся на локте: он лежал у основания разваленного стога на красной тряпичной куче. Лицо горело. Антон осторожно пошевелил руками, ногами – вроде всё цело, только нога болит. Снял шлем, ощупал голову. Она была мокрой, но лишь от пота. Крови не было. Подвигал шей в одну, в другую сторону. Негнущимися пальцами отстегнул карабины, выпростался из строп, ремней и нейлоновых складок. И только теперь услышал обращённую к нему иностранную речь. Белокурый фермер участливо смотрел на пилота и качал головой. Слов Антон не понимал.

– Со мной всё в порядке, – сказал Рубин по-английски, – я жив.

И вдруг, словно осознав весь смысл этой незатейливой фразы, захлебнулся и судорожно сглотнул. В глазах защипало. Вся благодарность, скопившаяся в нём за несколько секунд пребывания на земле после растянутого в вечности падения, обратилась к незнакомцу. Ведь это именно он скосил сено и взметнул этот гигантский стог именно здесь. Будто знал, что когда-то сюда упадёт с неба приговоренный к смерти парапланерист. Точно предугадал траекторию падения и подстелил соломку. Много соломки – целый стог!

– Спасибо! Спасибо, брат! – повторял он по-русски и по-английски, сжимая в руке хрупкую ладонь фермера. – Ты спас меня, понимаешь? Ты меня спас!

Приехали вызванные фермером спасатели. Осмотревший Антона врач не нашёл на теле серьёзных повреждений – только ссадины, гематомы и растяжение связок на левой ноге, будто он свалился со стога, а не летел к нему с километровой высоты. Подписав отказ от госпитализации, Антон отдал спасателям смятое крыло. Прихрамывая, снова подошёл к фермеру и крепко обнял его. Худенькие плечи, острые лопатки... Как же он справляется с грубой крестьянской работой – косит, скирдует стога? Но эти вопросы были настолько малозначительными, что не нуждались в ответах, а благодарность Антона не знала границ. Он вдруг решительно отстранился, снял с себя золотой кулон и надел его на тонкую шею своего спасителя. Фермер попытался отказать от подарка, но Антон не принял его возражений, напомнив: «Ты спас меня. Я твой должник». Сел в машину спасателей и через двадцать минут был в лагере.

Прибыв туда, откуда взлетел, Антон увидел встревоженных не на шутку друзей: весть о падении российского пилота с быстротой урагана распространилась по всему Пасси Плен Жу.

– Ну, слава Богу, живой! – облегчённо выдохнули они, увидев хромящего товарища. Потом долго ещё хлопали его по плечам, трепали спутанные волосы, ощупывали руки-ноги, словно желая лично убедиться, что перед ними стоит их друг, а не его бесплотный призрак.

– Живой! – соглашался с ними Антон, только теперь по-настоящему понимая, что это такое.

Глава 13. Возвращение

Промелькнули короткие дни абсолютной свободы, яркие и быстрокрылые, наполненные адреналином через край. Юбилей Палыча померк по сравнению с происшествием в небе. Долго вычерчивали потом схему полёта, анализировали и спорили, пытаясь разобраться, почему парашют Рубина на безопасном доселе участке снесло в ротор, почему в последний момент отбросило от скалы и понесло над лесом? Чем обусловлен такой медленный сброс высоты на сложенном крыле? Наконец, что за неведомая сила швырнула Антона в стог сена, точно попав в цель? Метр влево, метр вправо – и всё могло бы закончиться трагически, и не с кем было бы это обсуждать.

– Зато будет что рассказать потомкам, – приговаривал Геккель, добавляя коньяка в бокал чудом уцелевшего друга.

– Легко отделался, Рубин! – шутили остальные. – Не иначе как в рубашке родился!

– Не-е-е. У него личный контракт с ангелом-хранителем.

– Теперь в небо нескоро? – поддевал Палыч.

– Ну почему же нескоро? – отшучивался захмелевший Антон. – Вот нога заживёт, крыло заштопаю – и вперёд!

– Правильно! – одобрил Эдик, – это как после аварии: чем быстрее сядешь снова за руль, тем скорее забудешь.

Словом, юбилей прошёл на «ура!». Палычу подарили навороченную итальянскую подвеску, о которой тот давно мечтал, и кутили две ночи подряд, пригласив разделить веселье добрую половину жителей и гостей Шамони.

Во вторник ровно в девять Рубин открыл дубовую дверь своего пахнущего кожей и сигарами кабинета и понял, что свобода закончилась. Не успел он снять пиджак, как в дверь постучались. На пороге стоял взволнованный начальник геологоразведки Семёнов. Без лишних слов он положил на стол лист бумаги. Это была докладная записка. В ней говорилось о том, что на Вороньем поле, недалеко от лагеря геологов, скоро будет разбит эколагерь. Что можно ожидать от экоактивистов, расположившихся под боком у геологов, предугадать трудно, но соседство было не из приятных. Среди противников добычи никеля нашёлся грамотный человек, потрудившийся найти в кадастровом плане незанятый клочок земли и быстро оформить его в долгосрочную аренду. Так что юридически придраться было не к чему. Семёнов уже попенял Тупикину за проявленную беспечность, но тот, оказывается, всю неделю проболел, на работу не ходил и от предъявленных претензий отмахнулся.

Потом в кабинет зашла Ковалёва и сообщила, что квартальный перерасход сокращён на 87%, но Рубин остался равнодушен к этой новости. Больше всего Рубина интересовала сейчас судьба задержанного Черпака. После первого судебного заседания его дело вернули на следствие. Подробности спросить не у кого. Семёнов знал только часть правды. Орешкин знал больше, но обращаться к нему почему-то не хотелось. Рубин был не в курсе, что поимкой атамана лично руководил Коростелёв – начальник службы безопасности, специально приехавший из Москвы по настоянию президента компании. Не знал он и деталей операции: Новиков не рискнул доверить дело своему слишком шепетильному зятю, хотя в остальном был вполне доволен результатами его работы в Верхнедонске. И сейчас Рубин думал о том, где в данный момент находится Черпак, и какое обвинение ему в итоге предъявлено?

– Распишитесь, Антон Михайлович, – прервал его мысли голос главбуха.

Ковалёва протянула смету представительских расходов, в каждой строчке которой были зашифрованы подарки, откаты и подмазы. В компании действовала особая система внутрен-

них кодов, о которых знали лишь директора филиалов. Новиков требовал от подчинённых неукоснительного исполнения установленных правил кодирования. Здесь, в этой смете, отражались и затраты на информационную защиту проекта, и субсидии на погашение приступов паники Тупикина, и расходы на содержание геолога Курочкина в психиатрической клинике, и уличный фуршет в Чернавске, и прочие траты, привязанные к выполнению основной задачи – утверждения проекта чернавского месторождения к концу следующего года.

Рубин подписал документ и отослал Ковалёву к себе, отложив остальные вопросы на завтра. Возвращение от абсолютной свободы к реалиям жизни требовало времени.

Экран на столе мигнул и залился торжественными аккордами марша Торедора. Звонил Новиков. Антон нехотя клацнул кнопкой и упёрся в налитые кровью глаза тестя.

– Всё летаешь? – спросил тот вместо приветствия. – Ну, летай-летай, пока летается, – он принуждённо рассмеялся.

– Здравствуйте, Вадим Петрович, – невозмутимо ответил Антон. – Да, решил вот немного развеяться на выходных. Он не стал говорить тестю об инциденте в небе.

– И как – развеялся? – мрачно осведомился Новиков. Он всё знал. – Лучше бы к жене слетал, глядишь – и семью бы укрепил, и сам целее был бы! Не бережёшь ни её, ни себя.

Рубин благоразумно промолчал.

– Ну, что там у тебя, выкладывай! – потребовал президент, переключившись на рабочий лад.

– Перерасход по смете почти погасили, – бодро сообщил Рубин.

– Это хорошо, – голос Новикова потеплел.

– На прошлой неделе подписали Меморандум о взаимопонимании. Зарегистрирована некоммерческая организация «Чернавцы за прогресс». Общественный совет дал согласие на разработку платиноидов.

– Ну что ж, неплохо, – одобрил Вадим Петрович, – по платиноидам подождём заключения аналитиков.

Новиков сделал пометку в своём блокноте.

– Вадим Петрович, есть новости по делу Черпака? – неожиданно спросил Антон – обычно это он отвечал на вопросы тестя.

– А что тебя так волнует этот Черпак? – удивился Новиков. – Ну, посидит несколько лет, пока документацию подготовим и проект утвердим, а там пусть себе дальше атаманствует.

– Несколько лет? – не поверил своим ушам Рубин.

– А ты как хотел? Вымогательство в особо крупном размере – это тебе не пятнадцать суток за мелкое хулиганство, – Новиков озорно подмигнул зятю.

– Так вроде дело вернули на следствие?

– И что с того? Доследуют и посадят! Время ещё есть, – заверил его тесть.

И Рубин понял: посадят. Нажмут на следователя, смастерят улики, подтасуют факты. Антон сжал челюсти: всё что угодно мог он принять в своей работе, но только не сфабрикованных уголовных дел. Горький пример отца, оклеветанного партнёром по бизнесу и незаслуженно обвинённого в финансовых махинациях, навсегда отбил у него охоту играть с правосудием в грязные игры. Отец просидел в тюрьме больше года. В это время бизнес отжали и вывели в оффшор. Потом его отпустили, сняли все обвинения и даже официально извинились. Но отец так и не оправился после этого: не смог вынести позора и через три года умер от сердечного приступа. Ему было сорок восемь... Что за угрозу представляет собою этот Черпак? Всего лишь не очень образованный человек, не разбирающийся ни в геологии, ни в земельном праве. Да, безусловно, лидер, но далеко не всемогущий.

– Сейчас в Чернавске идёт соцопрос об отношении населения к нашему проекту, – напомнил Рубин, – отсутствие Черпака может отрицательно сказаться на его результатах.

– Его присутствие может сказаться ещё хуже, – раздражённо заметил Новиков, – и хватит уже мусолить эту тему! Что, других проблем нет? Ты мне лучше скажи, кто запрос в архив делал по пропавшим в 60-х геологам?

– Запрос? В архив? Я не в курсе.

– Ну, так войди в курс! Узнай, кто там ковыряется в прошлом, а главное – зачем?

– Хорошо, – пообещал Рубин.

– У меня всё. Вопросы есть?

– Нет.

– Тогда до связи.

– До свидания, Вадим Петрович.

Экран погас. Рубин вернулся к работе. Но мысли о Черпаке не покидали его. Не придумав ничего другого, он набрал номер Орешкина.

– День добрый, Антон Михайлович, – приветствовал его вкрадчивый голос директора информагентства. – Чем могу быть полезен?

– Я хотел бы узнать ситуацию по Черпаку. Понимаю, что не совсем по адресу...

– Что вы, очень даже по адресу, – оживился Орешкин. – Что вас интересует? Добавить остроты в публикациях? Накалить обстановку в Общественном совете? Организовать митинг «Чернавцев за прогресс»? Быть может, сделать интервью с адвокатом Черпака?

– А кто его защищает?

– Кого назначили – тот и защищает! – усмехнулся Орешкин. – Общественный защитник, новобранец с институтской скамьи. Сами понимаете, какой в нём толк! – директор информагентства выжидающе умолк. – Но подробности выудить можно. И подать как жест отчаяния уличенного преступника. Голодовка – это ведь не показатель невиновности.

– Какая ещё голодовка?

– Как, вы разве не знаете? Черпак объявил голодовку три дня назад.

– Вот как?

– Протестует. Хочет привлечь к себе внимание прессы. Только без толку: к нему всё равно никого не пустят.

– Даже вас? – не удержался Рубин.

– Да я и сам не горю желанием видеться с ним, – парировал Орешкин, – передо мной стоят совсем другие задачи, так сказать, более масштабные, – многозначительно добавил он.

– Ясно, – процедил Антон, – что ж, успехов вам в их решении.

– Благодарю вас. Да, кстати, фамилия Сидоренко вам о чём-нибудь говорит?

Рубин вспомнил старика в очках с ветхим портфелем, добивавшегося его аудиенции.

– Это тот самый оппонент Эпштейна, которого не допускают в Общественный совет?

– Тот самый. Просто имейте в виду, что эколагерь на Вороньем поле – его затея. Его и Задорожных.

Рубин на минуту задумался.

– Нам нужно усилить просветительскую работу. Чернавцы всё ещё переоценивают опасность проекта и недооценивают его выгоду для района. Да, и увеличить социальные дотации.

– Полностью согласен. И, разумеется, своевременно и полно информировать население о деятельности компании «Траст-Никель» в этих направлениях.

– Разумеется, – согласился Рубин и сухо добавил: – В рамках утверждённого бюджета.

На этом разговор был окончен. В голове у Рубина выстроилась матрица: по вертикали – цели, по горизонтали – средства. На их пересечении – события, уже случившиеся или только прогнозируемые. Задержание Черпака и грозящее ему тюремное заключение выпадало из этой матрицы. Это был тот случай, когда средства достижения цели были не только сомнительными, но и малоэффективными. Место арестованного Черпака занял Задорожных. Следуя логике, в ближайшем будущем нужно будет упрятать за решетку и его. Поддержка со стороны опаль-

ного профессора Сидоренко обеспечивала протестное движение вескими, грамотно выстроенными аргументами. Конечно, они не шли ни в какое сравнение с блестящей программой академика Эпштейна, но это были аргументы достойного противника. Пока что Сидоренко не был допущен к деятельности Совета, но всё может измениться. Если люди выскажутся «за» проведение референдума, доводы отлучённого от науки профессора могут сыграть решающую роль. Сидоренко объединился с Задорожных. Сообща они пошли легальным путем, действуя осторожно и грамотно. Возврат дела Черпака на доследование не делало чести инициатору процесса. Второго промаха быть не должно – значит, будут сфальсифицированы новые улики. Если же следствие развалится, то всё выльется наружу и нанесёт непоправимый урон компании. Тогда не помогут ни деньги, ни информационные технологии. И самое главное: Рубин сам не хотел этого приговора, этого жертвенного заклания – далеко не символического. Голодовка Черпака подтверждала серьёзность его намерений. И да – для Рубина она была косвенным доказательством его невиновности. Нужно что-то предпринять. Но что? Антон был далёк от мысли убедить Новикова отпустить Черпака. Что если поговорить с ним самому? Нет, не пойдёт. Во-первых, не по рангу. Во-вторых, это было бы признанием слабости, а он не чувствовал слабости в позиции, которую занимала сейчас компания «Траст-Никель» в Верхнедонске. И потом, Рубин не собирался менять убеждений взрослого человека. Надо попытаться освободить его другим путем. Каким? Единственно возможным – законным. Орешкин сказал, что защита обвиняемого сейчас чисто формальная, то есть никакая. Значит, нужно нанять хорошего адвоката. А что – это идея!

«Парень, да ты обезумел! – сказал себе Антон. – Наверное, слишком сильно ударился о землю». Он представил реакцию Новикова, узнай он о том, что его зять, руководитель филиала, платит из собственного кармана адвокату главного идейного врага проекта. Такой наглости он не простит. Пожалуй, его связей хватит на то, чтобы упечь Рубина за решетку вместе с Черпаком, уличив для пущей убедительности в сговоре. Антон снова вспомнил давнее дело отца. Его потухший взгляд. Почерневшее лицо идущей за гробом матери... И своё обещание, данное в Альпах в те первые минуты, когда ещё не вполне осознавал, что остался жив. Он поклялся себе не тратить свою жизнь на мерзости. А что может быть омерзительнее соучастия в преступлении? Пассивного наблюдения за циничным крушением чьей-то жизни, пусть даже в угоду великой цели? Что может быть более отвратительным, чем повторение судьбы покойного отца в отношении к другому человеку, тоже чьему-то отцу?.. Решено. Оставалось определить, кто будет защищать Черпака. Местных адвокатов Рубин в расчёт не брал: с нюхом Орешкина информация легко выльется наружу. В правовом отделе компании был сильный, опытный юрист, его должник. Почему бы не обратиться к нему? Но трезво рассудив, Рубин отказался и от этой идеи. Долг не лучшая мотивация для адвоката, к тому же ворошить дело под носом у Новикова было небезопасно. Оставался последний и, пожалуй, самый надёжный вариант.

Зуммер долго и нервно гудел, прежде чем трубку на том конце провода сняли.

– Здравствуй, Эдик, – произнёс Антон, – извини за настойчивость, но дело срочное.

– Привет, Антон! Срочные дела – мой конек! – хохотнул московский друг. – Как сам?

Как нога?

– Да всё в порядке, – бодро ответил Рубин, – хотя до сих пор не могу поверить.

– Во что ты не можешь поверить, старик?

– В то, что мог бы так бездарно погибнуть, что был на волоске от смерти. А главное, не могу понять, почему остался жив?

– Вопрос неправильно ставишь: не почему, а для чего? – глубокомысленно изрек Геккель. – А впрочем, не надо тебе ничего понимать! Живи да радуйся! – посоветовал он. – Что там у тебя за дело, говори!

– Не по телефону. Завтра-послезавтра никуда не уедешь?

– Нет, всю неделю на месте. Ждать?

– Да.

– Давай, звони, как соберёшься.

Через два дня всё было улажено. Задача Геккелю была поставлена непростая: убедить Черпака поменять адвоката, обеспечить ему крепкую защиту, не раскрывая источника финансирования. В идеале оправдать, по крайней мере, максимально смягчить приговор. И, разумеется, никто об этом не должен знать, вся история останется между ними.

Глава 14. Сеанс массовой эволюции

С самого утра директор Центра эволюции человека Смирных пребывал в радостном волнении: сегодня вечером ожидалось выступление профессора футурологии Дарьи Степановны Кремер. Билеты на лекцию раскупили молниеносно – не понадобилось и афиш. Своё присутствие подтвердили большинство почётных гостей, живой интерес к событию проявила пресса. Вместе с тем Виталия не покидала лёгкая тревога, зародившаяся накануне вечером, когда он набрал телефон Ларисы и вместо томного сопрано услышал автоответчик: «Вы позвонили на болото. В данный момент времени Кикиморы нет на месте. Ваше сообщение можете оставить после звукового сигнала». Трубка громко каркнула, оглушив Виталия. Он перезвонил снова – на этот раз телефон находился вне зоны доступа. В третий раз на другом конце провода и вовсе воцарилась мёртвая тишина, не нарушаемая ни помехами, ни гудками. Смирных пожал плечами.

Впрочем, особых поводов для беспокойства у директора быть не могло. Болотова давно стала завсегдатаем Центра и полноправным участником процесса эволюционного развития верхнедончан. С того памятного чаепития, после которого у Виталия внезапно открылась способность к телепортации, она регулярно проводила здесь встречи. В них принимали участие в основном женщины. На этих встречах, похожих больше на обычные женские посиделки, Лариса рассказывала о старинных, незаслуженно забытых рецептах природы, подкрепленных возможностями нанотехнологий, и распространяла продукцию марки «Дарина». И всё бы хорошо, если бы не связь – односторонняя и непредсказуемая. Выходило так, что инициатором телефонных разговоров в большинстве случаев выступала сама Болотова, а Смирных лишь изредка дозванивался до неё с первого раза. Чаще всего попадал не туда. Ну да ладно, зато именно благодаря Болотовой состоится сегодняшнее грандиозное событие, привлечшее внимание всего города.

В приватной беседе Лариса поделилась с Виталием, что Дарья Степановна Кремер – не только учёный с мировым именем, но и обладательница целого арсенала сверхспособностей. Однажды в Женеве ей удалось погрузить в гипноз весь президиум на конференции «Пути развития человечества в XXI веке». Другой раз Дарья Степановна прошла незамеченной сквозь три рубежа охраны, чтобы проконсультировать принцессу Стефанию. Кое-что Смирных удалось накопать из всемирной паутины и самому: труды Кремер «Планетарная эволюция», «Многомерное будущее», «Экологические аспекты развития цивилизации» были изданы ведущими научными журналами и переведены на десятки языков, её именем назван Фонд юных футурологов при Совете ООН, сама она награждена десятками научных званий и титулов. Но, как ни странно, Смирных нигде не удалось найти ни одной внятной фотографии профессора Кремер, ни биографических подробностей её жизни. Даже возраст учёной дамы оставался покрытым мраком тайны.

В то время как на телефон Смирных пришла смс-ка о том, что абонент «Лариса» снова в сети, в кабинет заглянула секретарша и сообщила, что профессор Кремер с группой будут с минуты на минуту. Сердце Смирных ухнуло и провалилось в пустоту. Но вскоре снова бодро затарахтело, возвещая своему владельцу о том, что тот пока ещё жив и пока ещё здесь, а не где-то в неведомом уголке пространства, куда запросто могла бы закинуть его новая, пока ещё управляемая способность.

Директор поправил галстук и вышел встретить мировую знаменитость, чтобы лично препроводить в специально отведённую комнату, где та могла бы отдохнуть с дороги и подготовиться к выступлению. Но ни на улице, ни в фойе Смирных не обнаружил ни малейших признаков приближения гостей. На стоянке отсутствовал белый лимузин, специально арендованный

директором для встречи профессора. Не было ни возбужденной толпы у парадного подъезда, ни самой Кремер, ни Болотовой – уж её-то Смирных заметил бы наверняка. Тут он вспомнил о наличии телефона в кармане и набрал номер Ларисы.

– О, мы уже на месте, – нежно пропела трубка, – зря вы, Виталий, так беспокоитесь!

Быстрыми шагами Смирных преодолел расстояние, отделяющее его от комнаты гостей, вежливо отбил морзянку и вошёл в распахнутую дверь.

В кресле спиной к окну сидела женщина с нимбом серебристых волос. Сиреневый сумрак струился с улицы, оставляя лицо в тени. Справа от неё стояла вполоборота великолепная Лариса и таинственно улыбалась, гипнотизируя директора топким изумрудным взглядом. На спинке кресла, царапая когтями кожаную обивку, восседал гигантских размеров ворон. Он тоже смотрел на вошедшего директора, но как-то свысока, а потом и вовсе отвернулся, продемонстрировав иссиня-чёрное атласное оперение над чешуйчатыми лапами. «Ах ты, гад пернатый! Что же ты, паршивец, кресло рвёшь!» – подумал про себя Смирных. Ворон тотчас обернулся и строго взглянул на директора – так, что у того начисто пропало желание ссориться с умной птицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.